

**Раздел IV:
Советский спецназ незадолго до...**

Такая выпала работа

Как наши предки в старину,
Мы вновь уходим на войну,
Чтоб защитить свою страну,
Врагу представить честь, отвагу.

И мы идём, идём вперёд
За взводом взвод, за взводом взвод,
Который день, который год —
Такая выпала работа.

Свистит свинец, скрежешет сталь,
Закат, что красная медаль...
Нам никого давно не жаль,
И нас никто не пожалеет.

Наш жребий, в общем-то, простой:
Удача выпадет — Герой,
Не подфартит — «за упокой»
Товарищи поднимут чашу.

Но вот последнее «Ура!»
И подводить итог пора:
Кроваво-славное вчера
Теперь нам выставят виною.

И это вовсе не впервой:
Таков обычай вековой,
Ведь на Руси за честный бой
Наградю нередко — плаха.

*Одесса,
2004 год.*

Как отмечалось ранее, со времени создания сил специального назначения ГРУ ГШ они никогда не применялись по их главному (антиядерному) боевому предназначению. Однако это вовсе не означает, что группировка сил армейского и флотского спецназа осталась лишь гипотетическим средством сдерживания противника. Со времени создания первых частей и подразделений военной разведки специального назначения ГРУ Генштаба ВС СССР в 1950 году и до конца 1970-х годов существенно изменились международная обстановка и военно-политические реалии. Это в итоге привело к тому, что силы и средства СпН получили новое развитие и применение в ряде локальных войн и военных конфликтов. И прежде всего речь идёт об участии спецназовцев в боевых действиях в ходе афганского похода советской армии.

Как творилась новейшая мировая история, как и на каких дорогах начинался боевой путь отечественного спецназа военной разведки? Как пересекались его пути с другими армейскими войсковыми формированиями и со «смежниками» из Комитета государственной безопасности СССР? На эти и на многие другие вопросы мы попытаемся ответить в данном разделе.

1. «По просьбе афганского правительства...»

В февральском номере журнала «Воин Содружества» за 1999 год под названием «Долгожданное «свидание» в горах» было опубликовано интервью корреспондента этого издания с Героем Советского Союза генерал-лейтенантом В.Н. Очировым. Для нас приведённая здесь точка зрения представляет интерес не только потому, что её автор знаком с данной проблематикой «изнутри», как ветеран боевых действий на территории ДРА (1980-1981 и 1984-1985 гг.), но и в силу того обстоятельства, что в 1989 году В.Н. Очиров избирался народным депутатом СССР. Вплоть до 1991 года Валерий Николаевич был заместителем председателя Комитета Верховного Совета СССР по делам обороны и безопасности.

В указанном интервью приводится следующее мнение В.Н. Очирова: «Циркулировавшие в обществе слухи, что древнее, маразматическое политбюро, престарелые дяди, шаркающие и шепелявящие, сели за стол и стали решать, вводить наши войска в Афганистан или нет, – это всё чушь. По существу, решение принимали не они. Политбюро голосовало «за» или «против» на основе убедительных выводов, которые готовил конкретный аппарат. А вот аппарату подобное решение своими донесениями диктовали главный военный советник, главный представитель от КГБ и посол Советского Союза в ДРА. Сначала они в справочных материалах сообщали, что президент Тараки во время бесед просит оказать помощь Афганистану, желательно вооружением. Затем вновь информировали, что Тараки выразил желание лететь в Москву и просить Брежнева о военной помощи. МИД подготовил такую встречу.

После всех этих «пингпонговских» сообщений в Москву полетела бумага, в которой считалось целесообразным согласиться с предложением уже президента Амина перебросить до двух батальонов десантных войск и спецназа на аэродром Баграм с целью и под видом охраны и обороны объектов, авиации, аккредитованных членов посольства. Затем было признано целесообразным и возможным выделить два звена вертолётов для переброски в Кабул. Планировать задействовать их для подготовки афганских лётчиков и в то же время советским экипажам предстояло «нести боевое дежурство и в сложившейся обстановке работать по предназначению». То есть – проводить боевые действия.

Эта хроника идёт по нарастающей по дням, по неделям, по месяцам. Потом – «считаем целесообразным согласиться на переброску на аэродром Баграм специальной бригады (по типу той, что дислоцируется на Кубе)». И мотивировка: «Для усиления охраны объектов афганских вооружённых сил». Я запросил данные о её численности, а там, оказывается, было четырнадцать тысяч человек. Последней была бумага: «Считаем необходимым согласиться с вводом ограниченного контингента советских войск»¹.

¹ Очиров В., Маков И. Долгожданное «свидание» в горах. – «Воин Содружества». – 1999, № 2. С. 33.

К сожалению, Валерий Николаевич не уточняет: была ли эта «четырнадцатитысячная» специальная бригада в проекте некоего решения или уже находилась в Афганистане до 25 декабря 1979 года. Тем не менее то, что отдельные части и подразделения советских ВВС, ВДВ, спецназа ГРУ и КГБ, ряд других воинских формирований задолго до официального ввода экспедиционного контингента советских войск находились на территории ДРА, – факт неопровержимый. При этом не следует забывать о значительном аппарате советских советников и специалистов, которые состояли при различных афганских органах военного управления, воинских частях и других силовых структурах.

Далее в названном интервью генерал-лейтенант В.Н. Очиров расставляет довольно жёсткие акценты по поводу того, кто «преступники» и кто «ответственен» за втягивание Советского Союза в афганскую войну. Однако в отличие от Валерия Николаевича рассуждать об этом, хотя бы в силу теоретически существующей у нас презумпции невиновности, не будем. Не будем этого делать также в силу того, что все дискуссии на эту тему, как правило, превращаются в некое судилище над теми, кто честно и мужественно исполнял свой воинский долг на афганской земле.

В связи с чем, очевидно, стоит ещё раз вспомнить расхожую фразу отечественной бюрократии: «Мы вас туда не посылали!..» Или не менее знаменитое: «Украина (Эстония, Латвия, Грузия и т.д.) с Афганистаном не воевала!..» Или то, как ещё недавно в том же Верховном Совете Украины некоторые особенно горячие головы ставили вопрос о том, что все советские ветераны афганской войны являются преступниками и всех их надо предать суду.

Однако давайте вернёмся к вопросу о том, какие советские воинские формирования действительно находились в ДРА ещё до официального ввода экспедиционного контингента советских войск в эту страну.

Информация к размышлению

*Из записки в ЦК КПСС
от 28 июня 1979 года*

...Трудности становления ДРА имеют во многом объективный характер. Они связаны с экономической отсталостью, малочисленностью рабочего класса, слабостью Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Эти трудности усугубляются, однако, и субъективными причинами: в партии и государстве отсутствует коллективное руководство, вся власть сосредоточена в руках Н.М. Тараки и Х. Амина, которые нередко допускают ошибки и нарушают закон...

Основной опорой афганского правительства в борьбе с контрреволюцией продолжает оставаться армия. За последнее время более активное участие в борьбе стали принимать силы безопасности, пограничные войска и создаваемые отряды самообороны. Однако широкие слои населения к борьбе привлекаются недостаточно, вследствие, чего предпринимаемые правительством ДРА меры по стабилизации обстановки оказываются малоэффективными...

В связи с изложенным МИД СССР, КГБ СССР, Министерство обороны и Международный отдел ЦК КПСС считают целесообразным:

(...) 3. Направить в Афганистан в помощь главному военному советнику опытного генерала с группой офицеров для работы непосредственно в войсках (в дивизиях и полках)...

4. Для обеспечения охраны и обороны самолётов советской авиаэскадрильи на аэродроме Баграм направить в ДРА, при согласии афганской стороны, парашютно-десантный батальон в униформе (комбинезоны) под видом авиационного технического состава. Для охраны совпосольства направить в Кабул спецотряд КГБ СССР (125–150 чел.) под видом обслуживающего персонала посольства.

5. В начале августа с.г., после завершения подготовки, направить в ДРА (аэродром Баграм) спецотряд ГРУ Генерального Штаба с целью использования в случае резкого обострения обстановки для охраны и обороны особо важных правительственных объектов...

А. Громыко. Ю. Андропов,
Д. Устинов, Б. Пономарёв

В конце июня 1979 года в соответствии с приказом министра обороны СССР маршала Советского Союза Д.Ф. Устинова была начата подготовка к отправке в Афганистан парашютно-десантного батальона из состава 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка, находившегося в центральном подчинении ВДВ. Сам этот полк под командованием подполковника Николая Ивановича Сердюкова представлял собой усиленную воинскую часть, составленную после расформирования воздушно-десантной дивизии, дислоцировавшейся прежде в Ферганской области Узбекистана.

Действительно, как это ни покажется парадоксальным, но именно это упомянутое нами соединение ВДВ, сориентированное для выполнения боевых задач на южном театре возможных военных действий в преддверии афганских событий было расформировано. А его основная часть была передана для развёртывания и доукомплектования десантно-штурмовых бригад, создававшихся тогда в качестве мобильных сил ряда военных округов Советского Союза.

Именно поэтому в декабре 1979 года осуществлять десантно-штурмовую операцию с высадкой личного состава и техники посадочным способом на аэродромах Баграма и Кабула будут гвардейцы-десантники соединения ВДВ, дислоцировавшегося ранее в Белоруссии (Витебская область), то есть 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. А также подразделения указанного ранее 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка. Однако давайте вернёмся к событиям более ранним.

В начале июля 1979 года парашютно-десантный батальон под командованием подполковника Ломакина в соответствии с приказом заместителя командующего ВДВ генерал-лейтенанта Н.Н. Гуськова перебазировался в район аэропорта Баграм, взяв его под охрану и оборону. Данная операция осуществлялась с соблюдением строгих мер секретности. При этом, чтобы не раскрывать структуру подразделения и его принадлежность к советским ВДВ, офицерам было приказано носить погоны сержантского состава, а всему личному составу выступать под видом технических специалистов и обслуживающего персонала.

Реальными же задачами данного парашютно-десантного батальона на первом этапе его пребывания в ДРА были: во-первых, обеспечение безопасности советских лётчиков и самолётов военно-транспортной авиации, дислоцировавшихся в Баграме. Во-вторых, решение возможных вопросов обеспечения эвакуации советских дипломатов, военных и гражданских советников и специалистов, а также членов их семей при возникновении экстремальной обстановки.

Это подразделение лично встречал главный военный советник СССР в ДРА генерал-лейтенант Л.Н. Горелов, который принял активное участие в организации его размещения, обеспечения и деятельности. Кстати сказать, сам Лев Николаевич до афганского периода своей службы командовал как раз этой гвардейской воздушно-десантной дивизией, куда прежде входил 345-й гв. опдп. Все материалы, требуемые для обеспечения жизнедеятельности парашютно-десантного батальона, завозили из Союза самолётами военно-транспортной авиации, в том числе и продукты питания на первый месяц пребывания в Афганистане. В октябре этого же года на должности командира батальона гвардии подполковника Ломакина заменил майор Пустовит.

Несколько забегаая вперёд, сообщим, что в конце 1979 года именно данное подразделение обеспечит приём и временное размещение в Баграме 154-го отдельного отряда спецназа ГРУ Генштаба («мусульманского» батальона), ряда бойцов спецназа КГБ СССР из внештатных формирований «Гром» и «Зенит», будущего руководства ДРА во главе с Бабраком Кармалем. Выполнит оно и ряд других ответственных задач в ходе осуществления государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года. В середине декабря на этой афганской авиабазе будет размещён второй парашютно-десантный батальон (командир – гвардии майор Цыганов) и разведывательная рота (командир – гвардии старший лейтенант Попов). К тому времени непосредственное руководство действиями десантников в Баграме ляжет на плечи командира 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка подполковника Н.И. Сердюкова.

2. «Мусульманский» батальон спецназа ГРУ ГШ

Как ранее отмечалось, в ряду общих задач по проведению диверсионно-разведывательной работы у армейского и флотского спецназа были задачи по организации и проведению террористических актов в отношении видных государственных и военных деятелей государств-агрессоров. Однако реализация задач подобного рода могла осуществляться только в особый (предвоенный) период или в военное время. Впрочем, юридически вся более чем девятилетняя история пребывания советских войск на территории Афганистана, судя по официальным советским, да и российским законодательным и нормативным актам, статуса войны так и не получила. Её же участников, поименованных в народе «афганцами», в официальных советских документах – «воинами-интернационалистами», впоследствии стали называть таким казённо-правовым термином, как «ветераны (участники) боевых действий на территории других государств».

Говоря иными словами, войны в ДРА (РА) выходит как бы и не было. Были лишь некие боевые действия, в результате которых погибли более пятнадцати тысяч советских военнослужащих, а десятки тысяч были ранены, искалечены и переболели всевозможными экзотическими болезнями. И это только с нашей стороны. При этом общие потери афганцев (со всех сторон конфликта), по западным источникам, оценивались в миллион погибших. Но... войны-то как таковой как бы не было. Так, во всяком случае, утверждают наши политики-законодатели.

Конечно, это отдельная тема для разговора. Но в рамках нашего исследования хотелось бы заострить внимание читателя, с одной стороны, на условности использования таких, казалось простых, понятий, как «война» и «боевые действия на территориях других государств». А со стороны другой, на том, что вопрос правомерности боевого применения армейского диверсионно-разведывательного

спецназа и спецназа КГБ в ДРА в декабре 1979 года, если в данном случае не было ни войны, ни особого периода, как бы зависает, с той же юридической точки зрения. Впрочем, нормы той же социалистической законности, о которой сейчас ведётся речь, во время начала описываемых событий нарушались не единожды...

Днём рождения 15-й отдельной бригады специального назначения Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР, которая была сформирована в составе войск Туркестанского военного округа, считается 1 января 1963 года. 17 декабря 1964 года 15-й обрСпН было вручено боевое знамя. Первоначально пунктом постоянной дислокации этого соединения спецназа военной разведки был определён город Чирчик (Узбекская ССР), а первым его командиром стал полковник Н.И. Луцев. С начала своего существования помимо напряжённой боевой подготовки 15-я бригада спецназа ГРУ ГШ постоянно привлекалось для участия в мероприятиях по ликвидации последствий разного рода чрезвычайных ситуаций. Таковыми были пожар на Чирчикском трансформаторном заводе (11 сентября 1965 г.), землетрясение в Ташкенте (1966 г.), эпидемия холеры в Астраханской области (1970 г.), эпидемия чёрной оспы в Аральске (1971 г.) и другие события.

В середине 1970-х годов 15-й отдельной бригадой командовал полковник Василий Васильевич Колесник, который затем был назначен на должность старшего офицера направления спецназа ГРУ Генштаба ВС СССР. Поэтому не случайно, что в последующем именно на его плечи было возложено осуществление задачи по формированию на базе 15-й бригады спецназа ГРУ ГШ 154-го отдельного отряда специального назначения, ставшего более известным под именем «мусульманского» батальона.

Как мы отмечали несколько ранее, именно эта войсковая часть армейского спецназа приняла 27 декабря 1979 года участие в выполнении особо секретной миссии в Кабуле, то есть в осуществлении штурма дворца Тадж-Бек и физической ликвидации афганского диктатора Хафизуллы Амина.

Информация к размышлению

Из личного дела

начальника направления спецназа ГРУ
Генштаба ВС СССР генерал-майора
Колесника Василия Васильевича (1935–2002 гг.)

Родился в 1935 году. В годы Великой Отечественной войны родители В.В. Колесника участвовали в партизанском движении против немецко-фашистских захватчиков и были расстреляны на его глазах. Окончил суворовское и высшее общевоинское командное училища в городе Орджоникидзе. Офицерскую службу начал с должности командира взвода 92-й отдельной роты спецназа Дальневосточного военного округа. В войсковых частях военной разведки специального назначения прошёл путь от командира взвода до командира соединения.

В 1975–1977 годах был командиром 15-й отдельной бригады специального назначения, которая входила в состав Туркестанского военного округа. С 1977 года его назначают старшим офицером направления специальной разведки Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР, куратором направления спецназа ГРУ ГШ по Средней Азии. В последующем был назначен на должность заместителя начальника этого направления ГРУ Генштаба.

В Афганистане с 1979 года. Возглавил руководство операцией «Шторм-333» по штурму дворца Тадж-Бек в Кабуле 27 декабря 1979 года, ключевого события государственного переворота в ДРА. За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания командования, указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 года Колеснику Василию Васильевичу присвоено звание Героя Советского Союза.

В последующем с должности заместителя начальника направления специальной разведки полковник В.В. Колесник поступил в Военную академию Генерального штаба ВС СССР. После её окончания был назначен начальником направления специальной разведки ГРУ ГШ. Генерал-майор. Умер 30 октября 2002 года. Похоронен в Москве.

В своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Братишка»¹ и указанном ранее юбилейном альбоме «Спецназ», Герой Советского Союза генерал-майор В.В. Колесник рассказал о том, как организовывалась подготовка и осуществлялась операция по штурму дворца Х. Амина. Данные мемуары в последующем неоднократно переиздавались. Со временем они претерпели определённую авторскую и, очевидно, редакторскую правку, что, с точки зрения прошедшего времени, представляется вполне естественным и оправданным. Думается, что данные обстоятельства ни в коей мере не умаляют того огромного значения, которое они имеют в контексте нашего повествования.

Итак... 2 мая 1979 года В.В. Колесник, полковник и старший офицер ГРУ ГШ, был вызван к начальнику Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР генералу армии П.И. Ивашутину. Собственно говоря, именно тогда Василий Васильевич и получил задачу на формирование 154-го ооСпН, образуемого в составе 15-й обрСпН и находившегося в оперативном подчинении ГРУ. Одной из отличительных черт предстоящей работы, как это отмечалось ранее, было то обстоятельство, что личный состав этого отряда должен был комплектоваться в основном из представителей трёх среднеазиатских национальностей (узбеков, таджиков и туркмен). Именно отсюда и произошло обиходное название 154-го отдельного отряда специального назначения – «мусульманский» батальон или «мусбат».

Впрочем, О.У. Швец, бывший в то время подполковником и сослуживцем В.В. Колесника, называет несколько другую дату постановки В.В. Колеснику задачи у начальника ГРУ – 29 апреля 1979 года². Он же уточняет, что автором известного обиходного названия 154-го ооСпН был сам Василий Васильевич, произнёсший тогда фразу: «Так это же «мусульманский» батальон...»

Солдат и сержантов срочной службы в отряд подбирали из двух призывов, то есть отслуживших соответственно полгода и год, как правило, в частях военной разведки

1 «Братишка». 2000 г., № 5, 6.

2 Швец О.У. Друг не умирает. В книге «Батя. Легента спецназа ГРУ». – М.: Яуза, Изд-во Эксмо, 2004. С. 189.

специального назначения. При этом в основном действовал принцип добровольности, а особые требования предъявлялись к физической подготовке. В связи с тем обстоятельством, что на вооружение отряда поступала боевая техника мотострелковых подразделений (боевые машины пехоты БМП-1 и бронетранспортёры БТР-60ПБ), в частях Среднеазиатского и Туркестанского военных округов осуществлялся подбор необходимых кандидатов в спецназовцы на основании требуемых военно-учётных специальностей.

Незадача вышла с командиром зенитно-артиллерийской группы на ЗСУ 23х4 «Шилка». Им был назначен «капитан Паутов», как пишет об этом В.В. Колесник, или «старший лейтенант Василий Проута», как его называет в своих воспоминаниях бывший командир одной из разведывательных рот спецназа 154-го ооСпН В.С. Шарипов. По национальности этот офицер-зенитчик был русским или украинцем. И, тем не менее, его зачислили в штат «мусбата», так как из представителей мусульманских национальностей Советского Союза кандидатов на данную должность не нашли. Поэтому черноволосому Паутову (или Прауте. – *Примеч. В.К.*), который внешне вполне мог сойти за азиата, командованием было предписано при встречах с афганцами упорно сохранять молчание.

Штатная организация 154-го отдельного отряда специального назначения ГРУ ГШ, насчитывавшего в своём составе более пятисот тридцати солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров, предусматривала три разведывательные роты спецназа (одна на БМП-1, соответственно две – на БТР-60ПБ), роту вооружения (взвод автоматических гранатомётов АГС-17 «Пламя», огнемётный взвод РПО «Рысь» и сапёрный взвод, также на БТР-60ПБ). Здесь также имелись отдельные взводы (связи, зенитно-артиллерийский на ЗСУ 23х4 «Шилка», автомобильный и материального обеспечения). Разумеется, в штат «мусульманского» батальона входили его управление, штаб, партийно-политический аппарат, тыл. Кроме этого к каждой роте были прикреплены военные переводчики из числа курсантов-стажёров Военного дважды Краснознамённого института МО СССР (бывший Военный институт иностранных языков).

О такой штатной организации «мусульманского» батальона сообщал В.В. Колесник, непосредственно занимавшийся его формированием и подготовкой к боевому применению¹.

Несколько по-другому пишет об этом бывший командир третьей роты 154-го отдельного отряда спецназа, в ту бытность старший лейтенант, В.С. Шарипов: «Для спецназа это была уникальная часть. Подразделения специального назначения вооружались БТР и БМП. Раньше никогда такого не было. Спецназ ведь – это рюкзак за спину, снаряжение, боеприпасы на себя, автомат в руки – и пошёл. А тут – техника! В батальоне имелось четыре роты. Две роты – первая и вторая – на БТР, третья – на БМД – моя. Гранатомётная рота АГС-17, зенитный взвод ЗСУ 23х4 «Шилка», подразделения обеспечения. Для нашего батальона даже программы боевой подготовки не было. Для «чистого» спецназа есть, для мотострелков есть, а для нас – нет. Приехали из ГРУ офицеры, и мы сами вместе с ними стали составлять программу»². Несколько ранее здесь же утверждается, что численность 154-го ооспН составляла 540 человек³.

Как вы обратили внимание, в начале текста статьи В.С. Шарипова и П. Лёгкого сообщается о штатной организации «мусульманского» батальона, в том числе и на БМП, то есть на боевых машинах пехоты. А далее по тексту оказывается, что сама рота В.С. Шарипова была на БМД, то есть боевых машинах десанта. В этой связи возникает вполне уместный вопрос: «Какие же подразделения 154-го отдельного отряда спецназа были на БМП?» На странице 116 указанной книги мы находим такое «уточнение» В.С. Шарипова: «У меня в роте 120 человек и 13 БМП...» Очевидно, в данном случае имеет место либо «ошибка памяти» со стороны В.С. Шарипова, либо неправильная литературная запись его рассказа со стороны военного корреспондента П. Лёгкого.

Во всяком случае абсолютное большинство сведений из других источников подтверждает тот факт, что в действительности третья (или, по другим данным, первая) рота «мусульманского» батальона, которой командовал В.С. Шарипов, имела

1 Колесник В.В. Операция «Шторм-333». С. 41

2 Шарипов В.С., Лёгкий П. Операция «Шторм». М., 2002. С. 114-115.

3 Там же. С. 114.

на вооружении боевые машины пехоты (БМП-1) и, исходя из этого, соответствующую организационно-штатную структуру. Вместе с тем заметим, что указанные нами некоторые неточности и нестыковки, имевшие место в статье В.С. Шарипова и П. Лёгкого, по большому счёту, не умаляют ценность этого рассказа в части конкретных фактов и обстоятельств, связанных с подготовкой и штурмом дворца Тадж-Бек.

В этой связи в письме, полученном автором этих строк в марте 2004 года от бывшего начальника политотдела – заместителя командира 15-й обрСпН полковника О.В. Кривопалова, содержится следующая уточняющая информация: «154-й отряд был сформирован на основании директивы ГШ № 314/2/0061 от 26.04.79 года. 26 апреля считается Днём части. После формирования отряд (согласно приказу командующего ТуркВО № 21/4/00755 от 04.05.79 года) введён в штат 15-й обрСпН. Штат отряда был определён директивой в 538 человек. Возглавил отряд ветеран 15-й обрСпН майор Х.Т. Холбаев, его заместителями стали капитаны М. Сахатов, А. Саттаров, Н. Ашуров. Первыми командирами подразделений отряда являлись старшие лейтенанты Кудратов (1 рота), Амангельдиев (2 рота), Шарипов (3 рота), Мирюсупов (4 рота), Праута (зенитно-артиллерийская группа)». Думается, что с этой авторитетной точкой зрения можно вполне согласиться. При этом ещё раз заметим, что старший лейтенант В.С. Шарипов в одних источниках называется командиром третьей роты, а в других – первой роты «мусбата».

Командиром «мусульманского» батальона стал отозванный с учёбы на Высших офицерских курсах «Выстрел» капитан Х.Т. Холбаев¹, который до этого являлся заместителем командира по парашютно-десантной подготовке одного из отрядов спецназа 15-й обрСпН. Практически сразу после утверждения в должности ему было присвоено очередное воинское звание «майор». Кстати заметим, что в ряде других изданий Хабиб Таджикибаевич Холбаев неправильно называется «бывшим инструктором военно-десантной подготовки бригады спецназа из ТуркВО²».

1 Во многих источниках его фамилия пишется «Халбаев», что следует полагать неверным.

2 См.: Аблазов В.И. Указ. соч. С. 166; Корж Г.П. Указ. соч. С. 450.

Таким образом, суммируя воспоминания руководителей и ряда других участников операции по штурму дворца Тадж-Бек, развёрнутую организационно-штатную структуру «мусульманского» батальона можно представить следующим образом:

- управление (командир и его заместители по боевой подготовке, политической части, технической части и тылу, начальник службы ракетно-артиллерийского вооружения, начальник инженерной-сапёрной службы, начальник финансовой части, другие офицеры и прапорщики);

- штаб (начальник штаба, начальник разведки, начальник связи и другие специалисты);

- партийно-политический аппарат (секретари партийной и комсомольской организаций);

- три разведывательные роты специального назначения (одна на БМП-1 и две на БТР-60ПБ), списочный состав каждой роты был порядка 120 человек, в каждой из рот имелось по тринадцать бронеемкостей; в каждой роте находились прикомандированные военные переводчики из числа курсантов-стажёров Военного дважды Краснознамённого института МО СССР;

- рота вооружения («оружия» или рота огневой поддержки, она же – «четвёртая рота» или «гранатомётная рота», как её называл В.С. Шарипов) в составе управления, взвода автоматических гранатомётов АГС-17 «Пламя», огнемётного взвода РПО «Рысь» и сапёрного взвода;

- отдельные группы боевой поддержки и боевого обеспечения (зенитно-артиллерийская в составе четырёх боевых машин ЗСУ 23х4 «Шилка» и группа специальной радиосвязи);

- отдельные взводы тыла (автомобильный или взвод подвоза, а также взвод материального обеспечения);

- тыл (начальники служб тыла и складов имущества);

- батальонный медицинский пункт (в штате состояли хирург и врач-анестезиолог, здесь же имелась автоперевозочная машина; при размещении «мусбата» в районе дворца Тадж-Бек стационарное помещение для медпункта было оборудовано в недостроенной двухэтажной казарме афганского танкового батальона).

По ряду свидетельств, перед вылетом в ДРА пистолеты марки ПМ («Пистолет Макарова»), стоявшие на вооружении у личного состава «мусульманского» батальона, были

заменены на более старые модели пистолетов ТТ («Тульский Токарева»). Стрелковое оружие калибра 5,45-мм также осталось на армейских складах в Советском Союзе, вместо него были получены 7,62-мм автоматы АКМ (АКМС) и пулемёты РПК (РПКС). Объяснялось это тем, что при боевом применении данных образцов стрелкового оружия имелась возможность пополнять боекомплект припасами, «добытыми на месте». Так, в частности, к пистолету ТТ подходили патроны от широко распространённых в афганской армии автоматов ППШ («Пистолет-пулемёт Шпагина») и собственно ТТ советского и китайского производств. В свою очередь для стрельбы из 7,62-мм АКМ (АКМС) и РПК (РПКС) могли использоваться патроны от АК-47, СКС и собственно АКМ и РПК, стоявших на вооружении афганской армии и других силовых структур ДРА.

Другой мотивацией данного решения могло быть вполне объяснимое желание руководства ГРУ ГШ принять дополнительные меры по соблюдению режима секретности. Ведь в то время автоматы АК-74 (АКС) калибра 5,45-мм находились на вооружении только у Советской армии.

Здесь же заметим, что при рассмотрении различных источников, содержащих информацию об организации, силах и средствах, личном составе 154-го отдельного отряда спецназа ГРУ Генштаба ВС СССР, мы старались учесть различные, нередко противоречивые мнения участников операции «Шторм-333», а также последующих исследователей этих событий. При этом мнения даже весьма авторитетных и добросовестных авторов были подвергнуты сомнению. Что же касается других «различных мнений», то есть, мягко говоря, не совсем ответственных авторов, то их в действительности было великое множество. Соответственно и численность «мусульманского» батальона и приданных ему сил, по некоторым их «сказаниям», увеличивалась вдвое, втрое и большее количество раз.

В этой связи приведём только один пример, когда авторы книги «Вторжение» Д. Гай и В. Снегирёв силой своего, несомненно, богатого воображения сумели «превратить» две четырёхствольные ЗСУ 23х4 «мусбата», которые вели огонь непосредственно по дворцу Тадж-Бек, в дивизион «Шилок», «обладающих большой огневой мощью...»¹.

¹ Гай Д., Снегирёв В. Вторжение. Неизвестные страницы необъявленной войны. – М.: Совместное советско-финское предприятие «ИКПА», 1991.

На сегодняшний день из числа офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат бывшего «мусульманского» батальона свои воспоминания опубликовали единицы. В данном случае мы имеем в виду лишь мнение полковника запаса В.С. Шарипова, который, как мы это отмечали ранее, был во время описываемых событий старшим лейтенантом и командиром роты 154-го отряда специального назначения, а также полковника запаса Р.Т. Турсункулова, бывшего тогда лейтенантом и командиром группы «мусбата».

К сожалению (или к счастью), спецназовцы ГРУ Генштаба оказались менее разговорчивыми, чем их коллеги из спецотрядов «Гром» и «Зенит» КГБ СССР. Очевидно, именно поэтому, то есть в связи с отсутствием достоверной информации, появились всякого рода небылицы и нелепости, которые отечественному и иностранному читателю в изобилии поставляли журналисты, редакторы, публицисты и романисты типа господ Д. Гая, В. Снегирёва, А. Тараса, А. Проханова. Однако вернёмся к основной линии нашего повествования...

Итак, в июне 1979 года комплектование штатов отряда было завершено. Началась напряжённая боевая подготовка личного состава, боевое сколачивание подразделений данной части специальной разведки. Параллельно с этим в Москве для солдат и офицеров «мусульманского» батальона по линии ГРУ Генштаба ВС СССР осуществлялся пошив афганской военной формы одежды, подготавливались легализованные личные документы военнослужащих.

В августе по инициативе руководства ГРУ ГШ и 15-й обрСпН на территории Афганистана была проведена рекогносцировка. В ней в частности приняли участие заместитель командира Чирчикской бригады спецназа майор С.И. Груздев, командир «мусульманского» батальона майор Х.Т. Холбаев и майор В.А. Турбуланов. В Кабуле эта группа «советских туристов» ознакомилась не только с местными достопримечательностями, но и местами расположения правительственных зданий и учреждений, воинских частей столичного гарнизона, многим другим.

Боевая учёба личного состава и сколачивание подразделений 154-го отдельного отряда спецназа завершились

успешной проверкой готовности к выполнению специального задания. Конечно, вряд ли за это время из солдат и сержантов срочной службы удалось подготовить суперменов. Однако к этому, несомненно, стремились офицеры «мусбата» и многочисленные специалисты, а также проверяющие из ГРУ Генштаба.

Во всяком случае сам факт, что «мусульмане»-спецназовцы в указанный период занимались в основном боевой подготовкой, осваивая при этом, как правило, по две смежных воинских специальности, говорит о многом. В ходе занятий с личным составом 154-го отряда СпН лимитов на боеприпасы и моторесурсы никто не вводил. Значительное внимание при этом уделялось физической подготовке, а марш-броски на 30 километров с полной боевой выкладкой стали обычной практикой.

Занятия по огневой, технической, тактической и тактико-специальной подготовкам организовывались на базах Ташкентских высших общевойскового и танкового командных училищ (г. Чирчик). Специальной директивой начальника Генерального штаба ВС СССР командованию этих военно-учебных заведений предписывалось предоставлять по заявкам 154-го отдельного отряда СпН учебно-материальную базу в любое время дня и ночи.

Приезжали на занятия «мусульмане» в советской форме, а непосредственно на полигонах, стрельбищах и танкодромах переодевались в одежду афганских солдат без знаков отличия. После занятий вновь происходило переодевание в советскую форму. Впрочем, большинство из них тогда и не знали – афганской ли армии это была форма или какой-либо другой. Однако посредством таких переодеваний происходило привыкание к ношению чужой военной «одежки и обуви», которые подгонялись и приводились в состояние обычной носки.

Весь личный состав «мусульманского» батальона вплоть до его отправки в ДРА многократно проверялся и перепроверялся представителями особого отдела КГБ СССР и сотрудниками территориальных органов госбезопасности. Многих бойцов со временем отчисляли из отряда по тем или иным причинам, которые в то время считались существенными

(судимость кого-либо из ближайших родственников, наличие родственных связей за границей, неосторожные высказывания о политике советского правительства и т.д.).

Разумеется, это был дестабилизирующий фактор в ходе подготовки личного состава к выполнению «особо важного» правительственного задания. Но с ребятами из «особого» особо не поспоришь: сам не избежишь неприятностей. «Заподозренных» и «уличённых» «мусульман» через подписку «о неразглашении» отправляли дослуживать в другие воинские части. С новичками же, пришедшими на освободившиеся вакансии, приходилось по полной программе навёрстывать упущенное время.

На последнем этапе подготовки отряда личный состав его подразделений отрабатывал практические навыки в ходе интенсивно проводившихся тактико-специальных учений по теме «Штурм зданий». Думается, что это обстоятельство в той или иной мере свидетельствует о том, какая роль в Афганистане отводилась советским руководством для личного состава этой части армейского спецназа.

Информация к размышлению

Документ № 1:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА

Записка в ЦК КПСС

«Председатель Революционного совета, Генеральный секретарь ЦК НДПА и премьер-министр ДРА Х. Амин в последнее время настойчиво ставит вопрос о необходимости направить в Кабул советский мотострелковый батальон для охраны его резиденции.

С учётом сложившейся обстановки и просьбы Х. Амина считаем целесообразным направить в Афганистан подготовленный для этих целей отряд ГРУ Генерального штаба общей численностью 500 человек в униформе, не раскрывающей его принадлежности к Вооружённым Силам СССР. Возможность направления этого отряда в ДРА была предусмотрена решением Политбюро ЦК КПСС от 29. 6. 1979 г. №П 156/ IX.

В связи с тем, что вопросы направления отряда в Кабул согласованы с афганской стороной, полагаем возможным перебросить его самолётами военно-транспортной авиации в первой половине декабря с.г. Тов. Устинов Д.Ф. согласен.

Ю. Андропов, Н. Огарков

№312/ 2/ 0073

4 декабря 1979 г.

Документ № 2:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА

Т.т. Брежневу, Андропову,
Громыко, Суслову, Устинову

Выписка из протокола №176 заседания

Политбюро ЦК КПСС

от 6 декабря 1979 года

«О направлении спецотряда в Афганистан»

Согласиться с предложениями по этому вопросу, изложенными в записке КГБ СССР и Минобороны от 4 декабря 1979 года №312/ 2/ 0073 (прилагается).

Секретарь ЦК Л. Брежнев

Документ № 3:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА

Согласовано на заседании
Политбюро ЦК КПСС

Записка в ЦК КПСС

от 6 декабря 1979 года

...С учётом усложнившейся обстановки и просьбы Х. Амина считаем целесообразным направить в Афганистан подготовленный для этих целей специальный отряд ГРУ Генерального штаба общей численностью около 500 чел. в униформе,

не раскрывающей его принадлежности к Вооружённым Силам СССР. Возможность направления этого отряда в ДРА была предусмотрена решением Политбюро ЦК КПСС от 19.06.1979 г. № 11156/ К.

В связи с тем, что вопросы о направлении отряда в Кабул согласованы с афганской стороной, полагаем возможным перебросить его самолётами военно-транспортной авиации в первой декаде декабря с.г. Тов. УСТИНОВ Д.Ф. согласен, чтобы 29 декабря 1979 года подразделения Советской Армии пересекли афганскую границу.

Ю. Андропов, Н. Огарков

В связи с приведёнными здесь документальными свидетельствами обратим внимание на то обстоятельство, что (в соответствии с материалами ЦК КПСС) Х. Амин обращался к советской стороне с просьбой о направлении для охраны его резиденции советского *мотострелкового батальона*. Однако получает он в «подарок» от высшего руководства Советского Союза своеобразного «троянского коня» – 154-й отдельный отряд специального назначения ГРУ Генштаба ВС СССР.

Понятное дело, что у мотострелкового батальона и отряда спецназа военной разведки совершенно различное боевое предназначение. Так, если перед пехотой ставятся задачи по ведению наступательного или оборонительного боя, решению других войсковых тактических вопросов, то перед армейским спецназом – по реализации диверсионно-разведывательных задач в тылу противника. Исходя из этой логики, изначально получается так, что, принимая решение о направлении в Афганистан «мусульманского» батальона, высшее советское руководство фактически принимало решение об осуществлении в ДРА государственного переворота, целью которого было отстранение от власти Х. Амина и его сподвижников по террору собственного народа.

Впрочем, «мусбат» стал формироваться ещё при жизни Н.М. Тараки и «для его защиты» (по официальной версии). Ведь и в Записке в ЦК КПСС от 4 декабря имеется сноска на заседание Политбюро от 29 июня 1979 года (№ П 156/ IX). Но, вполне возможно, делалось это уже тогда, как говорится,

«на всякий пожарный случай», дабы в будущем поступить в зависимости от складывающейся обстановки. Во всяком случае «карты выпали» не в пользу Хафизуллы Амина и его ближайшего окружения.

И хотя в большинстве источников, касающихся ввода советских войск в ДРА, содержится мнение о том, что «роковое решение о вводе войск было принято на заседании Политбюро 12 декабря», обратим здесь внимание читателя на одну существенную деталь. В приведённой нами Записке в ЦК КПСС от 6 декабря за подписями Ю.В. Андропова и Н.В. Огаркова есть весьма любопытная фраза. Напомним её: «Тов. УСТИНОВ Д.Ф. согласен, чтобы 29 декабря 1979 года подразделения Советской Армии пересекли афганскую границу (*курсив мой. — В.К.*)».

Так с чем же в данном случае мы имеем дело: с «оговоркой» или констатацией уже принятого ранее решения о вводе «подразделений Советской Армии» на территорию ДРА? В этой связи позволим высказать мнение, что на «историческом» заседании Политбюро ЦК КПСС, состоявшемся 12 декабря 1979 года, лишь была уточнена дата «перехода афганской границы», то есть 25-го, а не 29 декабря. И «тов. УСТИНОВУ Д.Ф.» лишь пришлось немного подкорректировать на ускорение подготовительные мероприятия. Из чего следует и следующая гипотеза: решение о вводе советских войск в ДРА, о судьбе новоявленного диктатора Х. Амина было принято в Кремле, если не сразу после отстранения им от власти «друга и учителя» Н.М. Тараки (в середине сентября), то уж точно ранее 12 декабря 1979 года. В подтверждение этого приведём ещё один партийный документ.

Информация к размышлению

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА

Записка в ЦК КПСС
от 9 ноября 1979 года

«Обстановка в Афганистане после событий 13-16 сентября с. г., в результате которых Тараки был отстранён от власти и затем физически уничтожен, остаётся крайне сложной.

В стремлении укрепиться у власти Амин, наряду с такими показательными жестами, как начало разработки проекта конституции и освобождение части ранее арестованных лиц, на деле расширяет масштабы репрессий в партии, армии, государственном аппарате и общественных организациях...

По имеющимся данным, в настоящее время Амином готовится расправа над группой членов Политбюро ЦК НДПА (Зерай, Мисак, Пандшири), которым предъявляются вымышленные обвинения в «антипартийной и контрреволюционной деятельности». На состоявшемся недавно Пленуме ЦК НДПА Амин взял в руководящие органы партии наиболее преданных ему лиц, в том числе ряд своих родственников...

В последнее время отмечаются признаки того, что новое руководство Афганистана намерено проводить «более сбалансированную политику» в отношениях с западными державами. Известно, в частности, что представители США на основании своих контактов с афганцами приходят к выводу о возможности изменения политической линии Афганистана в благоприятном для Вашингтона направлении...

С учётом изложенного и исходя из необходимости сделать всё возможное, чтобы не допустить победы контрреволюции в Афганистане или политической ориентации Амина на Запад, представляется целесообразным придерживаться следующей линии:

1. Продолжать активно работать с Амином и в целом с нынешним руководством НДПА и ДРА, не давая Амину поводов считать, что мы не доверяем ему и не желаем иметь с ним дело. Использовать контакты с Амином для оказания на него соответствующего влияния и одновременно для раскрытия его истинных намерений...

6. Находящимся в Афганистане советским воинским подразделениям (узел связи, парашютно-десантный батальон, транспортные эскадрильи самолётов и вертолётов), а также отряду по охране советских учреждений продолжать выполнять поставленные задачи...

При наличии фактов, свидетельствующих о начале поворота Х. Амина в антисоветском направлении, внести дополнительные предложения о мерах с нашей стороны.

А. Громыко, Ю. Андропов,
Д. Устинов, Б. Пономарёв

Здесь же коротко заметим, что в тексте Записки в ЦК КПСС от 9 ноября 1979 года говорится об отсутствии у советского руководства информации «о начале поворота Хафизуллы Амина в антисоветском направлении». Однако при упоминании имени Х. Амина несколько меняется тон официальных документов ЦК КПСС. В частности его перестают «титловать» главой афганского государства, генеральным секретарём ЦК НДПА, председателем Совета министров, Революционного совета ДРА и т.д.

Такие сегодня, казалось бы, малозначащие детали в описываемое время говорили очень о многом. В других документах, датированных несколько ранее или позднее, их авторы порой возвращаются к прежней стилистике и чиновничеству, потом вновь от них отходят. Очевидно, точно так же колебалось отношение советского руководства к личности Хафизуллы Амина и оценке событий, происходящих в Афганистане.

Из смысла процитированного ранее документа можно почерпнуть, что под «антисоветской позицией» Х. Амина в ЦК КПСС понимали «изменение политической линии Афганистана в благоприятном для Вашингтона направлении». В свою очередь террор, осуществляемый в ДРА кликой кровавого диктатора против собственного народа, был как бы сопутствующей причиной, не имевшей основного значения для «ленинского политбюро» ЦК КПСС...

...Жили бойцы «мусульманского» батальона сначала в качестве обособленного подразделения 15-й отдельной бригады специального назначения, а в дальнейшем в собственном военном городке. Для чего были привлечены военные строители, создавшие для «мусульман»-спецназовцев благоустроенные здания. Со временем офицерам и прапорщикам 154-го отдельного отряда СпН стали выделять квартиры в Чирчике и даже разрешили отпуска. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, это было лишь затишьем перед бурей: вскоре всех офицеров и прапорщиков части из числа отпускников в срочном порядке отозвали к месту их службы телеграммой за подписью комбрига 15-й обрСпН полковника А.А. Овчарова.

В первой половине декабря 1979 года 154-й отдельный отряд спецназа ГРУ ГШ уже полностью находился на территории Афганистана. Прибывшие сюда ранее батальон 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка и передовая команда «мусбата» во главе с заместителем командира 154-го ооспН капитаном М.Т. Сахатовым обеспечили прибытие и размещение «мусульманского» батальона на авиационной базе Баграм.

К середине декабря здесь же сосредоточилась часть бойцов спецназа КГБ из внештатных формирований «Гром» и «Зенит». При этом основной задачей находившихся здесь «громовцев» стало обеспечение безопасности доставленных в ДРА афганских оппозиционных лидеров Кармаля, Гулябзоя, Сарвари, Нура, Ватанджара и Ратебзад. В свою очередь «зенитовцы» старались как можно убедительнее исполнить определённую им «легендой» роль некой «группы инженерно-технической поддержки» «мусульманского» батальона, готовившегося к осуществлению «охраны» главы Демократической Республики Афганистан товарища Хафизуллы Амина.

Вместе с тем следует отметить, что на сегодняшний день относительно точных сроков прибытия в ДРА 154-го ооспН имеется довольно много разночтений.

3. Спецформирование КГБ СССР «Зенит»

Несколько ранее уже сообщалось о том, как проходило становление и развитие диверсионно-разведывательного спецназа Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР. Поэтому в этой главе постараемся коротко остановиться только на тех страницах его истории, которые имеют непосредственное отношение к осуществлению государственного переворота в Афганистане в декабре 1979 года...

Спецрезервисты из числа штатных оперативных работников госбезопасности периодически проходили обучение на курсах усовершенствования офицерского состава при Высшей Краснознамённой школе КГБ СССР имени Ф.Э. Дзержинского. Именно они и составили костяк сформированного в 1979 году внеструктурного (внештатного)

спецподразделения госбезопасности «Зенит», принимавшего 27 декабря участие в штурме дворца Х. Амина, проведении соответствующих мероприятий на других особо важных объектах афганской столицы.

В связи с тем, что очередной поток куосовцев начал занятия в январе, а цикл их подготовки был рассчитан на семь месяцев, руководству курсов в мае 1979 года пришлось срочно пересматривать программу их обучения. И в оставшееся до вылета в ДРА время с ними усиленно проходили занятия по темам «Захват объекта», «Засада», «Захват персоны», «Освобождение заложников» и т.п. Думается, что эти обстоятельства конкретно указывают на боевое предназначение первого «афганского» отряда КУОС.

Летом 1979 года в Афганистан вылетела группа сотрудников КГБ, получившая наименование «Зенит» или «Зенит-1», как стали её впоследствии называть. Возглавлял её руководитель курсов усовершенствования офицерского состава полковник госбезопасности Г.И. Бояринов.

5 июля (по другим данным – 4) 1979 года самолёт с «зенитовцами» на борту приземлился в аэропорту Кабула. Официальным мотивом для этого «визита» стала просьба Хафизуллы Амина, касавшаяся обучения его личной гвардии. Однако руководство советского Комитета госбезопасности поставило перед «Зенитом-1» и свои дополнительные задачи. Это касалось изучения и анализа складывающейся в Афганистане оперативной обстановки, а также проведения разведки столицы ДРА, расположенных в ней важных государственно-административных, политических и военных объектов.

Для чего чекистами целенаправленно изучались подступы к тем или иным зданиям, системы их охраны и обороны, отрабатывались возможные маршруты эвакуации сотрудников советского посольства и многое, многое другое. Параллельно с этим часть сотрудников «Зенита-1» привлекалась к охране советского посольства, ряда других учреждений СССР в Кабуле. После успешного выполнения стоявших задач основная группа внештатного спецотряда КГБ СССР «Зенит-1» во главе с полковником Г.И. Бояриновым 5 сентября возвратилась в Москву.

13-14 сентября в ДРА состоялся очередной военный переворот, в результате которого к власти пришёл Хафи-зулла Амин, сменивший на постах генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного Совета и премьер-министра ДРА своего «друга и учителя» Н.М. Тараки. Некоторые авторы определяют временем этого переворота 13–15 или 13–16 сентября 1979 года. Многие вопросы, связанные с этим далеко не рядовым событием в новейшей афганской истории до сих пор остаются дискуссионными.

Для нас же в этой связи особый интерес представляет тот факт, что ещё 10 сентября «мусульманский» батальон был поднят по тревоге. Х.Т. Холбаеву приказали обеспечить сдачу на хранение всех секретных документов части, а также партийных и комсомольских билетов личного состава. После выдвижения 154-го ооСпН в ташкентский аэродром его бойцов переодели в афганскую военную форму и поставили задачу на вылет в Кабул для сопровождения и защиты президента ДРА Н.М. Тараки. Однако последовала команда: «Отбой!» Причиной этого некоторые авторы¹ называют личное вмешательство Ю.В. Андропова, уверившего Л.И. Брежнева и Н.М. Тараки, что ко времени прибытия лидера НДПА в Кабул Х. Амин будет «нейтрализован». Чего на самом деле в последующем не произошло.

Уже по ходу событий этого переворота шифротелеграммой из Москвы для «возможного осуществления операции по Х. Амину» в полную боевую готовность приводились находившиеся в Кабуле бойцы спецотряда КГБ «Зенит». По некоторым сведениям, с такой же целью был приведён в боевую готовность № 1 советский парашютно-десантный батальон 375-го гвардейского парашютно-десантного полка, который находился в то время на аэродроме Баграм. Однако через некоторое время команда на советское вмешательство в тогдашнюю внутреннюю афганскую междоусобицу была отменена.

¹ Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 92-93.

Информация к размышлению

Документ №1:

Генеральному секретарю ЦК НДПА,
Председателю Революционного совета и Премьер-Министру
Демократической Республики Афганистан
товарищу Хафизулле Амину

Правительственная телеграмма
от 17 сентября 1979 года

Примите поздравления в связи с избранием Вас Генеральным секретарём ЦК НДПА, Председателем Революционного совета и Премьер-Министром Демократической Республики Афганистан.

Выражаем уверенность в том, что братские отношения между Советским Союзом и революционным Афганистаном будут и впредь успешно развиваться на основе Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, в интересах народов наших стран, на благо мира и прогресса в Азии и во всём мире.

Л. Брежнев,
А. Косыгин

Документ №2:

Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю
Президиума Верховного Совета СССР товарищу Л. И. Брежневу
Председателю Совета Министров СССР
товарищу А. Н. Косыгину

Правительственная телеграмма
от 21 сентября 1979 года

Дорогие товарищи! Разрешите от всего сердца поблагодарить Вас за Ваши братские поздравления по случаю избрания меня Генеральным секретарём Центрального Комитета Народно-демократической партии Афганистана, Председателем Революционного совета и Премьер-Министром Демократической Республики Афганистан...

Х. Амин

Обратим внимание на дату советской правительственной телеграммы – 17 сентября. Получается так, что Политбюро ЦК КПСС во главе с Л.И. Брежневым активно отслеживало складывающуюся в Афганистане обстановку (варианты, как понимаете, были различные). Но, в конце концов, было принято решение заявить (на том этапе) о легитимности смены власти в НДПА и ДРА. В свою очередь Х. Амин позволил себе взять «таймаут» на четыре дня и только потом ответить советским лидерам, что, в общем-то, по тем временам граничило с дерзостью.

Как мы ранее отмечали, в Афганистане после прихода к власти «аминистов» началась откровенная резня сторонников Н.М. Тараки. Несколько министров были убиты прямо в их рабочих кабинетах. Так начинался новый виток кровавого «революционного» беспредела. По стране прокатилась огромная волна репрессий. Тогда в советском посольстве удалось укрыться афганским министрам Асадулле Сарвари, Саиду Мохаммад Гулябзою и М.А. Ватанджару.

Несколько позднее «зенитовцы» проведут уникальную операцию по доставке в СССР «трёх контейнеров с личными вещами советских специалистов...» Точнее, нелегально перевезут в Советский Союз в ящиках-пеналах, специально изготовленных для транспортировки людей на базе КУОС в Балашихе, этих опальных афганских сановников. Успешное проведение данной операции осуществили старший офицер 8-го отдела Управления «С» ПГУ КГБ СССР подполковник В.С. Готов, заместитель командира отряда «Зенит-1» А.И. Долматов, В.Н. Курилов и некоторые другие офицеры госбезопасности.

Кстати сказать, в сентябре Х. Амин частично опубликовал список казнённых «врагов народа» за восемнадцать месяцев, прошедших со времени совершения Саурской (Апрельской) революции 1978 года. Тогда сообщалось лишь о 12 тысячах человек, хотя, по некоторым другим оценкам, реально он достигал 50 тысяч казнённых.

Сразу по возвращении основного состава первой группы стал формироваться состав нового «Зенита» («Зенита-2»). В соответствии с указаниями председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова в него подбирались наиболее опытные и

подготовленные сотрудники из числа командиров оперативно-боевых групп и их заместителей¹, которые ранее успешно прошли обучение на курсах усовершенствования офицерского состава. Затем были проведены непродолжительные дополнительная подготовка и боевое сколачивание личного состава спецотряда.

Параллельно решались вопросы экипировки бойцов этого внештатного подразделения Комитета госбезопасности, снабжения их документами в соответствии с разработанной «легендой» для отправки в Афганистан («охрана советского посольства»). При этом использовалось то обстоятельство, что сам Х. Амин, на которого его соплеменниками было совершено несколько покушений, опасался за свою безопасность и просил советское руководство прислать подготовленных специалистов для охраны первых лиц государства и борьбы с оппозиционным подпольем.

В этой связи напомним, что в первой половине декабря на Хафизулла Амина и его брата Абдулла, руководившего службой безопасности (в то время она называлась «КАМ») было совершено очередное покушение. Случай вновь сохранил жизнь Х. Амину. Эти события дали повод для новой волны террора со стороны правящего режима. Тогда же генеральный секретарь ЦК НДПА, председатель Революционного Совета ДРА, премьер-министра Афганистана «товарищ» Х. Амин переехал в казавшийся ему более безопасным дворец Тадж-Бек, находившийся на окраине Кабула.

В ноябре – начале декабря значительная часть бойцов «Зенита» («Зенита-2») передислоцировалась в Кабул и Баграм, где комитетчиками проводилось изучение местности и обстановки. При этом изучались конкретные военные и государственные объекты, ставшие в последующем объектами захвата, уничтожения, повреждения для советского спецназа и частей ВДВ. Составлялись маршруты движения к тем или иным зданиям, сооружениям и учреждениям, изучались система их охраны и состав сил обороны. Для чего привлекались возможности не только визуальной разведки, но и сведения, полученные от советских советников и специалистов, иных

¹ В данном случае имеются в виду диверсионно-разведывательные группы в штатах ОБОН по военному времени.

достоверных источников. Командовал в то время «Зенитом» офицер 8-го отдела Управления «С» ПГУ КГБ СССР полковник Алексей Константинович Поляков.

В первой половине декабря одна часть «зенитовцев» находилась в Кабуле, где разместилась в школе советского посольства и на виллах представительства КГБ СССР. Другая их часть под видом «группы инженерно-технической поддержки» 154-го ооСпН была доставлена в расположение военной авиабазы Баграм. Там офицеры госбезопасности разместились в палатках «мусульманского» батальона ГРУ. Так состоялось первое знакомство бойцов спецназа КГБ с их коллегами из спецназа ГРУ Генштаба.

4. Спецформирование КГБ СССР «Гром»

При проведении 27 декабря 1979 года государственного переворота в Кабуле силы спецназа госбезопасности СССР были представлены не только отрядом «Зенит», находившемся в ведении управления «С» (агентурная разведка) ПГУ (внешняя разведка) КГБ, но и бойцами в то время совершенно секретной группы СпН госбезопасности «А». Главным предназначением этого формирования госбезопасности было противодействие терроризму и организованной преступности в их экстремальных проявлениях.

Тогда, в декабре 1979 года, бойцам антитеррористической группы «А», составившим внештатное формирование КГБ «Гром», пришлось выполнять на афганской земле не совсем свойственные им задачи. В данном случае имеется в виду: во-первых, обеспечение личной безопасности группы лидеров афганской оппозиции из НДПА во главе с Бабраком Кармалем, и, во-вторых, участие в ряде спецмероприятий по осуществлению государственного переворота в ДРА, захвату дворца Тадж-Бек и физической ликвидации диктатора Хафизуллы Амина.

Ещё до участия в проведении операции «Шторм» в Кабуле сотрудники группы специального назначения КГБ СССР «А» получили определённый оперативно-боевой опыт. Тем не менее каких-либо «громких» дел в её историческом формуляре тогда не имелось.

Первое знакомство сотрудников КГБ из группы специального назначения «А» с Афганистаном произошло в марте 1979 года. Тогда офицеры спецназа госбезопасности прибыли в афганскую столицу для оказания помощи в проведении антитеррористических мероприятий и усиления охраны советского посольства, а также ряда других советских представительств. Это произошло после убийства 1 марта членами террористической группы «Национальный гнёт» американского посла Адольфа Даббса.

В той непродолжительной командировке в числе сотрудников группы «А» был и будущий активный участник штурма дворца Тадж-Бек в составе спецподразделения «Гром» майор госбезопасности Николай Васильевич Берлёв. Только тогда, в марте 1979 года, Н.В. Берлёв будет обеспечивать безопасность советского посла Александра Михайловича Пузанова во время его встреч с «товарищем» Хафизуллою Амином. А 27 декабря этого же года одним из первых он опознает труп бывшего диктатора.

Первая встреча с опальными руководителями ДРА восьмерых бойцов группы «А», которыми командовал Валентин Иванович Шергин, состоялась в начале декабря 1979 года на одной из подмосковных дач, находившейся в ведении ПГУ КГБ СССР. Тогда спецназовцам представили Бабрака Кармаля как одного из создателей НДПА и к тому времени уже бывшего посла ДРА в Чехословакии. Познакомили их и с его сподвижниками Нур Ахмад Нуром, Мохаммадом Аслам Ватанджаром и Анахитой Ратебзад, единственной женщиной среди присутствовавших на этой встрече.

Информация для размышления

Из биографии

генерального секретаря ЦК НДПА, председателя
Революционного совета и премьер-министра ДРА
Кармаля Бабрака

Родился в 1929 году (по некоторым другим данным, в 1928 году. — *Примеч. В.К.*) в селении Баграми возле Кабула. По происхождению пуштун (точнее, по отцу, мать же его была таджичкой). Воспитывался в семье высокопоставленного

военного. Его отец генерал-полковник Мохаммад Хусейн-хан командовал армейским корпусом, был генерал-губернатором и возглавлял финансовое управление Министерства национальной обороны Афганистана. Накануне свержения шахского режима М. Хусейн-хан ушёл в отставку, однако во время правления М. Дауда вновь был призван на службу, командовал 17-й пехотной дивизией и являлся губернатором Герата.

В 1948 году Бабрак Кармаль окончил Кабульский лицей «Неджат», а в 1952 году – юридический факультет Кабульского университета. Был одним из организаторов афганского студенческого движения, за что подвергался преследованиям, около трёх лет находился в тюремном заключении. В 1957-1959 годах он проходил службу в вооружённых силах Афганистана, а в 1960-1964 годах работал в министерстве просвещения и планирования.

До свержения шахского режима в 1973 году дважды избирался депутатом афганского парламента от Кабула (в 1965 и 1969 гг.). В январе 1965 года стал одним из основателей НДПА и секретарём её ЦК. После раскола партии (1967 г.) возглавил фракцию «Парчам», являвшуюся фактически самостоятельной партией. После объединения партии (1977 г.) был избран заместителем генерального секретаря ЦК НДПА.

После Саурской (Апрельской) революции (военного переворота) 1978 года назначается заместителем председателя Революционного совета и заместителем премьер-министра ДРА. В мае 1978 года после начавшегося периода репрессий и отстранения от власти «парчамистов» был направлен послом ДРА в ЧССР. В августе 1978 года снят со всех государственных должностей.

Опасаясь физической расправы, остался в эмиграции. В последующем из ЧССР переправлен в Советский Союз. После государственного переворота 27 декабря 1979 года был объявлен генеральным секретарём ЦК НДПА, председателем Революционного совета и премьер-министром ДРА. Активно способствовал втягиванию частей экспедиционного контингента советских войск в междоусобную гражданскую войну в Афганистане. С мая 1986 года в отставке. Умер в Москве (первая Градская больница).

Из биографии

Ватанджара Мохаммада Аслама

Родился в 1946 году в провинции Пактия. По происхождению пуштун из племени гильзаев. В 1959 году поступил в Кабульский военный лицей, который окончил в 1965 году. В 1968 году успешно завершил учёбу в Кабульском высшем военном училище. Службу проходил в 4-й танковой бригаде (г. Кабул) на различных должностях командного состава. Член НДПА с 1973 года, состоял в военной организации «Хальк». За активное участие в военном перевороте 1973 года, в результате которого к власти в Афганистане пришёл двоюродный брат М. Захир Шаха принц Мохаммад Дауд, ему досрочно было присвоено воинское звание «старший капитан», в последующем он был назначен на должность командира первого батальона 4-й танковой бригады.

Активный участник Саурской (Апрельской) революции (военного переворота) 1978 года, деятельный сподвижник и ярый приверженец Н.М. Тараки. В первом правительстве, сформированном после апрельского (1978 года) переворота, занимал должности заместителя премьер-министра и отраслевого министра. После смещения Тараки со всех партийно-государственных постов, опасаясь репрессий, укрылся в советском посольстве в Кабуле, ушёл на нелегальное положение и был тайно вывезен бойцами спецотряда КГБ «Зенит-1» из ДРА в Советский Союз.

Во время событий 27 декабря 1979 года совместно с десантниками и «зенитовцами» принимал участие в захвате Кабульского телерадиоцентра.

Из биографии

Нур Ахмад Нура

Видный член НДПА (секретарь ЦК НДПА) и активный участник Саурской (Апрельской) революции (военного переворота) 1978 года в Афганистане. Профессиональное образование получил в СССР. Деятельный сподвижник и ярый сторонник Н.М. Тараки.

После смещения Тараки со всех партийно-государственных постов и его убийства, опасаясь репрессий, ушёл на нелегальное положение, в последующем эмигрировал в Советский Союз. Во время событий 27 декабря 1979 года совместно с десантниками, «зенитовцами» и советскими советниками принимал участие в захвате здания Царандоя (МВД ДРА).

Из биографии
Ратебзад Анахиты

Первая в истории Афганистана женщина-врач. Происходила из богатой семьи, получила хорошее образование. Активная участница общественной жизни страны и депутат парламента. Во время событий 27 декабря 1979 года находилась вместе с Бабраком Кармалем, на протяжении всей своей политической карьеры была его ярким приверженцем и преданным другом.

Таковой она останется и после освобождения Кармаля со всех партийно-государственных постов. Была министром культуры ДРА, инициатором создания и руководителем Демократической организации женщин Афганистана (ДОЖА).

После этого на подчинённых В.И. Шергина была возложена задача по обеспечению безопасности бывших афганских министров, теперь в одночасье ставших представителями «здоровых сил внутренней оппозиции ДРА». Представитель руководства внешней разведки КГБ, прибывший на подмосковную дачу, коротко объяснил офицерам группы «А» их задачу: не просто обеспечить безопасность афганских товарищей, а сделать это любой ценой, охранять и оберегать их днём и ночью.

После чего специальным авиарейсом спецназовцев с опальными афганскими министрами доставили в Ташкент, где в роскошном дворце первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Рашидова они провели двое суток. А далее был перелёт через советско-афганскую границу в Баграм.

Здесь на окраине аэродрома афганские заговорщики и их советские телохранители разместились в одном из капониров, предназначенных для укрытия самолётов. Их безопасность на внешних подступах обеспечивали советские десантники батальона 345-го гвардейского парашютно-десантного полка и разведчики 154-го отдельного отряда спецназа ГРУ ГШ.

5. Сверим время прибытия

Как отмечалось ранее, в первой половине декабря 1979 года 154-й отдельный отряд спецназа ГРУ ГШ уже находился в Афганистане, где был сосредоточен на авиабазе Баграм. Однако относительно точных сроков прибытия «мусульманского» батальона на территорию ДРА имеется довольно много разночтений. Вопрос этот как бы незначителен. Но таковым он является только на первый взгляд. На самом деле при ближайшем рассмотрении этой проблемы выявляется ряд интересных подробностей, которые в дальнейшем помогут составить более чёткое представление о том, как советским руководством готовился и осуществлялся государственный переворот в ДРА.

Из анализа содержания официальных документов следует вывод, что решение о передислокации «мусульманского» батальона из СССР в ДРА принималось Политбюро ЦК КПСС в первой декаде декабря 1979 года (4–6 декабря.). После чего незамедлительно последовал перелёт 154-го ооспН в ДРА. Это, на первый взгляд, представляется ясным и очевидным. Но давайте не будем торопиться и попытаемся более детально разобраться в этом вопросе.

О том, как, когда и каким образом «мусульманский» батальон пересёк советско-афганскую границу, существует несколько версий. Все они существенно разнятся между собой. Любопытно, что, рассуждая о времени прибытия 154-го ооспН на авиабазу Баграм, отдельные авторы порой высказывают на этот счёт по две взаимоисключающие версии. При этом для «обоснования» того или иного утверждения ими выдвигаются, на первый взгляд, вполне приемлемые доводы. Однако при ближайшем рассмотрении подобного рода версий и гипотез они, как правило, не выдерживают критики.

Сначала несколько слов о тех публикациях, в которых понимание данной проблемы выводится на основе официальных документов ЦК КПСС. Так бывший советский военный советник в ДРА полковник В.И. Аблазов в этой связи утверждает следующее: «08.12.1979. Вечером потребовали сдать

в секретную часть все документы («мусульманского» батальона. – *Примеч. В.К.*), на технике спешно снимались и закрашивались номера. У офицеров оставались только личные знаки (алюминиевые жетоны с номером). 9-го и 12 декабря 1979 года двумя рейсами, спокойно, без стрельбы и захвата плацдармов, батальон перелетел в Баграм к нашим десанникам. Здесь батальон переодели в афганскую форму и приказали ждать команды. Задача поставлена не была. Только несколько человек в Москве знали её: 16 декабря, в день покушения на Амина, в случае его удачного исхода, батальоны ВДВ и ГРУ – единственные подразделения, которые должны обеспечить стабильность обстановки в Афганистане... Перед самым вылетом в Афганистан к «мусульманскому» батальону присоединилась группа полковника Бояринова, состоявшая из представителей КГБ. Общая численность бывшего (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) сводного отряда составила более 550 человек»¹.

Данную версию фактически слово в слово повторяет Г.П. Корж на страницах книги «Афганистанское досье: Война СССР в Афганистане». Здесь он пишет: «8 декабря внезапно потребовали сдать в секретную часть все документы, на технике («мусульманского» батальона. – *Примеч. В.К.*) спешно снимали и закрашивали номера. У офицеров оставались только жетоны с номерами. 9-го и 12 декабря 1979 года двумя рейсами батальон перелетел в Баграм. Здесь ребят переодели в афганскую форму и приказали ждать команды. Перед самым вылетом в Афганистан к «мусульманскому» батальону присоединилась группа полковника Бояринова, состоявшая из представителей КГБ. Общая численность бывшего (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) сводного отряда составила более 550 человек. Поначалу предстояло действовать 16 декабря. На этот день было намечено покушение на Амина. В случае удачи оба батальона должны были обеспечить стабильность обстановки в Афганистане. Но покушение оказалось неудачным»².

Однако далее по тексту этот автор приводит информацию, совершенно противоположного порядка: «28 июня 1979 года – спецотряд КГБ СССР направлен в Кабул, спецотряд ГРУ

1 Аблазов В.И. Указ. соч. – С. 166.

2 Корж Г.П. Указ. соч. – С. 450.

Генштаба – в Баграм»¹. А далее, через одну страницу, Г.П. Корж вновь возвращается к прежней точке зрения: «9-го и 12 декабря 1979 года – прибытие в Афганистан «мусульманского» батальона»².

В связи с «опечатками» (?..) и определёнными несуразностями, содержащимися в тексте книги Г.П. Коржа, заметим следующее. Вполне вероятно, они проистекают от простого незнания господином «журналистом и дипломатом» военной терминологии. Ведь «спецотряд ГРУ Генштаба» и «мусульманский» батальон – это лишь два разных наименования одной и той же воинской части. А у Г.П. Коржа речь идёт о двух разных войсковых формированиях армейского спецназа, прибывших на афганскую авиабазу Баграм. Но не мог же 154-й ооСпН, то есть «спецотряд ГРУ Генштаба», или, другими словами, «мусульманский» батальон («мусбат»), прибыть в Афганистан дважды. Притом прибыть в сроки, которые по времени весьма удалены друг от друга («28 июня 1979 года» и соответственно «9-го и 12 декабря» того же года).

Если даже теоретически допустить июньский прилёт «мусбата» в ДРА, как уверяет нас в этом Г.П. Корж, выходит, он должен был в последующем вернуться на территорию СССР, хотя бы для «второго пришествия...» Но об этом автор ничего не сообщает. Поэтому данная версия (точнее, авторская «доработка» Г.П. Коржом предположения В.И. Аблазова) о прибытии 154-го отряда специального назначения ГРУ ГШ в июне 1979 года не выдерживает критики. Примерно то же можно сказать и о заявлении Г.П. Коржа относительно «неудачного покушения» на Х. Амина 16 декабря 1979 года. Вполне вероятно, что оно готовилось, однако из данного факта нельзя делать вывод о том, что попытка покушения в действительности имела место, но была «неудачной».

Другое мнение о времени передислокации на территорию ДРА 154-го ооСпН ГРУ ГШ в книге «Трагедия и доблесть Афгана» высказал генерал-майор А.А. Ляховский. Первоначально он сделал предположение о том, что с аэродромов Чирчик и Ташкент самолётами ВТА «мусульманский»

1 Корж Г.П. Указ. соч. – С. 551.

2 Там же. - С. 552.

батальон был переправлен на территорию Афганистана 10–12 ноября 1979 года¹. Данное утверждение А.А. Ляховский сопроводил небольшой репликой о том, что «в течение месяца (то есть, по крайней мере, до 13 декабря 1979 года. – *Примеч. В.К.*) спецназовцы занимались боевой и специальной подготовкой на аэродроме и готовились к выдвигению в Кабул»².

В книге В.Ю. Марковского и В.В. Мильяченко «Афганистан: война разведчиков» также говорится о переброске «мусульманского» батальона в ДРА по воздуху 10–12 ноября³. Однако, вероятнее всего, в данном случае версия А.А. Ляховского просто-напросто дублируется авторами и берётся ими на веру.

Впрочем, сам А.А. Ляховский немного далее по тексту своей книги пишет нечто противоположное: «По поручению советского руководства посол Табеев проинформировал Х. Амина об удовлетворении его просьбы о направлении двух батальонов для усиления охраны резиденции главы государства и аэродрома Баграм. Эти подразделения в ДРА были переброшены 3-го и 14 декабря (*курсив. – В.К.*). С одним из них нелегально прибыл Б. Кармаль, который находился в Баграме под охраной сотрудников КГБ СССР среди советских солдат и офицеров. Примерно в это же время переправили и «четвёрку» сподвижников бывшего Генсека НДПА, которые укрылись в Кабуле у своих сторонников. Одновременно Х. Амину сообщалось, что советское руководство удовлетворило его просьбу и готово принять его в Москве с официальным дружественным визитом»⁴.

Первоначальная информация А.А. Ляховского о прибытии «мусульманского» батальона спецназа ГРУ на территорию ДРА 10–12 ноября 1979 года, шедшая вразрез со сроками из официальных протоколов Политбюро ЦК КПСС, в начале была отнесена на счёт неких досадных опечаток. Однако в дальнейшем нечто подобное было обнаружено в мемуарных

1 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 107.

2 Там же.

3 Марковский В.Ю., Мильяченко В.В. Указ. соч. – С. 3.

4 А. А. Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 108.

записках генерал-майора В.В. Колесника, непосредственно готовившего 154-й отряд специального назначения к отправке на территорию Афганистана.

В своих воспоминаниях Василий Васильевич писал, что личный состав, техника, вооружение, предметы материального обеспечения, включая дрова, а также другое имущество «мусульманского» батальона самолётами военно-транспортной авиации были доставлены в ДРА 19-20 ноября (*курсив. — В.К.*)¹. При этом тяжёлая техника перевозилась на самолётах «Ан-22», «Антей», а личный состав и имущество — «Ан-12». Эта операция, по словам В.В. Колесника, заняла около суток, в дальнейшем отряд оставался в Баграме почти месяц для адаптации к новым условиям².

Однако заместитель генерал-майора В.В. Колесника по руководству операцией «Шторм» полковник ГРУ Генштаба О.У. Швец в своих воспоминаниях пишет, что по времени переброска из Союза в ДРА «мусульманского» батальона была осуществлена «9-го и 12 декабря рейсами военно-транспортной авиации»³.

Так какие же сведения В.И. Аблазова (Г.П. Коржа), А.А. Ляховского (В.Ю. Марковского и В.В. Мильяченко), В.В. Колесника или О.У. Швеца соответствуют действительности? Перед нами вырисовывается довольно странная картина: с одной стороны, выходит, что переброска 154-го ооСПН на авиабазу Баграм была осуществлена задолго до того, как Политбюро ЦК КПСС приняло соответствующие решения по данному вопросу. А с другой стороны, в соответствии с этими решениями.

Очевидно, что подобные «нестыковки» в хронологии событий, выстроенной в соответствии с текстом официальных документов Политбюро ЦК КПСС и заявлениями ряда авторитетных авторов, у любого мало-мальски добросовестного исследователя должны вызвать сомнения. Вместе с тем относительно дат, указанных в документах ЦК КПСС, А.А. Ляховский как бы мимоходом заметил, что «официально задним числом, 6 декабря, оформили эту акцию»⁴.

1 Колесник В.В. Как был взят дворец Амина. В книге: Козлов С. и др. СПЕЦНАЗ ГРУ. Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны. 3-е изд. — М.: SPSL «Русская панорама», 2002. С. 102.

2 Колесник В. В. «Шторм» в Кабуле». — Указ. альбом «Спецназ». — С. 41-42.

3 Швец О.У. Друг не умирает. В книге: Батя. Легенда спецназа ГРУ. — М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 190.

4 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. — М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 107.

Конечно, все эти гипотезы требуют дополнительного уточнения. При этом не факт, что архивные документы в данном вопросе расставят все точки над «i». Тем более что представленные ранее суждения относительно времени прибытия 154-го ооСпН в ДРА не являются исчерпывающими в общем потоке разнообразных версий. Впрочем, с одной из них читателя, пожалуй, стоит ознакомить отдельно. Речь идёт о точке зрения бывшего командира роты «мусульманского» батальона, ныне полковника запаса В.С. Шарипова.

В статье «Операция «Штурм», подготовленной совместно с военным журналистом П. Лёгким и опубликованной в белорусском журнале «Армия», он довольно подробно поведал о своём видении минувших событий. Здесь он в частности рассказывает, как в ноябре 1979 года убыл в очередной отпуск, из которого вскоре был отозван в часть срочной телеграммой командира 15-й обрСпН полковника А.А. Овчарова. По прибытию в Чирчик В.С. Шарипов вместе с представителем особого отдела КГБ при «мусбате» старшим лейтенантом Байхамбаевым по экстренному вызову явился в кабинет комбрига. Здесь кроме хозяина апартаментов, начальника штаба 15-й обрСпН, комбата Х.Т. Холбаева и начальника штаба 154-го ооСпН капитана Н. Ашурова присутствовали три человека в «гражданке». В ходе состоявшегося совещания был согласован список из двадцати солдат и сержантов первой роты «мусульманского» батальона, который тут же был продиктован по засекреченной линии связи в Москву.

При составлении этого списка сразу исключили пулемётчиков и членов экипажей боевых машин пехоты. После этого ротному В.С. Шарипову и «особисту» Байхамбаеву было поручено снять с боеукладок, уложенных в БМП роты (в этот период боевые машины находились прямо на территории бригады. – *Примеч. В.К.*), по три комплекта боеприпасов на двадцать единиц стрелкового оружия.

Так была сформирована команда «мусбата» под командованием заместителя командира отряда капитана М.Т. Сахатова, которая 5 ноября убыла в Афганистан на авиабазу Баграм для установки палаточного городка и решения ряда других, прежде всего хозяйственных вопросов. Однако В.С. Шарипов не уточняет, входили в эту команду солдаты и сержанты из других подразделений 154-го ооСпН. А ведь это было

обычной армейской практикой того времени, когда от всех рот выделялись люди для проведения хозяйственных работ в интересах своих подразделений. Перед непосредственной отправкой в ДРА личный состав «мусульманского» батальона был переодет в солдатскую полевую форму, это касалось и офицеров.

Сержантам было установлено ношение в качестве знаков различия жёлтых нашивок на погонах, а для офицеров – красных. При этом погоны «ефрейтора с красной лычкой» означали, что их обладатель на самом деле является лейтенантом. Соответственно такого рода «младший сержант» был в действительности старшим лейтенантом, «сержант» – капитаном, «старший сержант» – майором. А комбата Х.Т. Холбаева таким способом «произвели» в «старшины». Через несколько дней после отлёта команды капитана М.Т. Сахатова, как об этом писал В.С. Шарипов, началась отправка в Афганистан основных сил 154-го отряда спецназа ГРУ Генштаба¹.

Очевидно, эти сведения В.С. Шарипова требуют дополнительного изучения. Однако точка зрения, высказанная им, представляется значительный интерес. В связи с чем можно сделать предположение, что разночтения во времени прибытия «мусульманского» батальона в ДРА возникли из-за «поэтапности» данного перемещения. Или точнее, из-за ноябрьской отправки в Баграм команды 154-го отдельного отряда спецназа ГРУ под командованием капитана М.Т. Сахатова. Как бы там ни было, но на авиационной базе Баграм «мусбат» был достаточно продолжительное время, чтобы иметь возможность для адаптации к местным климатическим, бытовым и другим условиям, а также для занятий по боевой и специальной подготовке. В то время техника «мусульманского» батальона приводилась в порядок и готовилась к переброске в Кабул для «усиления охранной главы ДРА».

Здесь же, со временем, «под видом группы инженерно-технической поддержки» разместились часть «зенитовцев». А группа «громовцев» доставила сюда и укрыла в одном из капониров для авиационной техники лидеров афганской оппозиции от НДПА во главе с Бабраком Кармалем.

1 Шарипов В., Лёгкий П. Операция «Шторм». – В указ. книге. – С. 116-117.

При этом обратим внимание ещё на одну деталь, которая в будущем не должна выйти из поля нашего зрения. Никто из непосредственных очевидцев событий 27 декабря 1979 года, в том числе В.В. Колесник, О.У. Швец и В.С. Шарипов, в своих мемуарных записках даже не обмолвились о том, что якобы 16 декабря состоялось некое неудачное покушение на Х. Амина. Об этом, как о свершившемся факте, утверждали лишь В.И. Аблазов и Г.П. Корж. В дальнейшем мы попытаемся более подробно разобраться и в этом вопросе.

Представить прибытие в Афганистан бойцов отрядов спецназа КГБ СССР «Гром» и «Зенит» одним, двумя или даже тремя авиарейсами весьма и весьма проблематично. Очевидно, офицеры этих спецформирований прибывали на территорию ДРА различными путями и в различные сроки. Вполне вероятно, что некоторые из них находились в Кабуле ещё за один или два месяца до дня штурма дворца Х. Амина, может быть, и более того.

Высказанные в этой связи гипотезы (В.И. Аблазов, Г.П. Корж и другие) о прибытии в ДРА «зенитовцев» представляются маловероятными. Напомним, что в книгах данных авторов утверждается о присоединении «группы полковника Бояринова» к «мусульманскому» батальону перед самым вылетом в Афганистан (9-го и 12 декабря) и об отправке сводного отряда на авиабазу Баграм «*двумя рейсами*».

Что в этой связи говорить о профессиональных авиаторах, коли и обычному человеку весьма сложно представить подобную картину? Ведь не возможно «двумя рейсами, спокойно, без стрельбы и захвата плацдармов» перевезти более пятидесяти различных бронеобъектов, несколько десятков единиц другой техники, массу различного имущества, да и личного состава более шести сотен человек («мусбат» вместе с «группой полковника Бояринова». – *Примеч. В.К.*). Если даже теоретически предположить о наличии в советской военно-транспортной авиации таких образцов сверхмощной техники, возникает вопрос о целесообразности проведения подобной операции. Ведь после технических выкладок наступает черёд элементарной логики, которая должна быть присуща любому мало-мальски образованному военному руководителю.

А этот руководитель обязан был оценить возможность возникновения разного рода случайностей в ходе перелёта.

Он не должен сбрасывать со счетов санкционированный или несанкционированный огонь афганских средств противовоздушной обороны по этим «двум самолётам», возможный отказ авиационной техники, метеорологические сюрпризы и иные форсмажорные обстоятельства, не исключая возможных погрешностей пилотирования. Здравое оценив все эти обстоятельства, руководитель операции был должен отказаться от подобных планов доставки в Афганистан «мусбата» и «Зенита», ведь предполагаемых случайностей в данном случае хватало с излишком. А рисковал наш начальник неисполнением приказа командования и решения Политбюро ЦК КПСС, значит, рисковал всем – карьерой, партийным билетом, своей жизнью, судьбой родных и близких. Впрочем, рисковал он ещё и жизнями людей, но это уже, как говорится, лирика.

Давайте теперь вернёмся к вопросу о прибытии на территорию ДРА офицеров спецназа КГБ. По этому поводу также имеются различные, противоречивые мнения. Так, например, генерал-майор А.А. Ляховский в своё время сообщал: «14 декабря... в Кабул прибыли две специальные группы КГБ СССР по 30 человек каждая (в Афганистане они назывались «Гром», в которую входили классные спортсмены, и «Зенит» – в ней были спецназовцы из балашихинской школы. В Центре названия у них были другие). Административно эти группы относились к внешней разведке и готовились для осуществления террористических актов в случае необходимости за пределами Советского Союза»¹.

Относительно последнего замечания А.А. Ляховского по принадлежности прибывших в Афганистан формирований спецназа Комитета госбезопасности уточним ещё раз. Внеструктурный отряд «Гром», состоял в основном из офицеров штатной группы специального назначения КГБ СССР «А», нацеленной на проведение антитеррористических операций. А к ПГУ (внешней разведке) КГБ СССР относился только внеструктурный (внештатный) спецотряд «Зенит». Именно его бойцы нацеливались на проведение диверсионно-разведывательных мероприятий за рубежом.

¹ Ляховский А. А. Трагедия идоблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 131.

Данные мероприятия, как ранее сообщалось, должны были осуществляться этим формированием лишь в особый период (предвоенный) и военное время, но А.А. Ляховский пишет «в случае необходимости» и, очевидно, данной репликой вносит определённую точность в официальные формулировки. И поправлять здесь Александра Антоновича вряд ли стоит, ведь так оно и получилось в дальнейшем на практике – «по необходимости...» Разворачивать детально указанный тезис не будем: об этом ещё пойдёт речь. Вместе с тем возьмём на заметку указанную генерал-майором А.А. Ляховским дату прибытия «Зенита» и «Грома» – 14 декабря 1979 года.

В этой связи бывший «зенитовец» В. Федоренко в последующем вспоминал: «После непродолжительной подготовки на личном самолёте Ю.В. Андропова мы вылетели в Афганистан. Мероприятие по заброске разрабатывалось тщательно, хотя и неразберихи, связанной с секретностью нашей миссии, хватало. В Ташкенте на дозаправке пограничное руководство было шокировано появлением председательского самолёта с непонятными людьми на борту. Но прошёл звонок, и нас приняли на самом высоком уровне.

В Кабуле приземлились к вечеру. Старались не показываться аэродромным служащим. В ГАЗ-66 погрузились быстро. Туда же перенесли ящики с оружием и боеприпасами... Неделю в город не выходили – адаптировались к климату, пище, обстановке. Первое задание было простым: парами по намеченным маршрутам бродили по городу, определяли расположение административных зданий, группировку войск – обстановку в целом. В качестве официальной легенды пребывания в Кабуле использовали то обстоятельство, что сам Амин, опасаясь многочисленных врагов, просил советское руководство прислать на его охрану и для борьбы с подпольем подготовленных людей...

Вскоре мы получили конкретную задачу. Каждой группе был определён объект разведки... 11 декабря «Зенит» вылетел в Баграм. Это в 60 километрах от Кабула. Там находился аэродром, куда из Союза перебрасывался так называемый мусульманский батальон»¹.

Исходя из приведённых воспоминаний В. Федоренко, можно предположить, что автор этих слов был в той группе

1 «Русские коммандос». – 1999, №1. С. 40-41.

отряда спецназа КГБ «Зенит», которая прибыла на территорию ДРА (предположительно) в конце ноября или в начале декабря 1979 года. Ведь до вылета из Кабула в Баграм (11 декабря) В. Федоренко и его товарищи неделю адаптировались к климату, а в последующем некоторое время ещё были задействованы в ряде разведывательных мероприятий.

Очевидно, эти утверждения сразу ставят под сомнение версию А.А. Ляховского относительно совместного и, если так можно выразиться, разового прилёта «Зенита» и «Грома» в ДРА. Вместе с тем В. Федоренко ничего не сообщает о каких-либо неудачных покушениях на убийство Х. Амина, которые могли бы иметь место 16 декабря. Отмену операции по осуществлению государственного переворота в Кабуле в середине декабря 1979 года он объясняет возможной утечкой информации и усложнением обстановке в Афганистане.

О своём прибытии в ДРА другой бывший «зенитовец» И. Васильев в последующем рассказывал, что утром 2 декабря в территориальное управление КГБ СССР по Омской области пришла шифротелеграмма о срочной отправке в Балашиху спецрезервистов из числа сотрудников-омичей (Иван Песцов, Виктор Ирванев и сам Игорь Васильев). Начиная с сентября, в Афганистане уже находился другой омич и спецрезервист ПГУ КГБ СССР Владимир Иванович Серов. К исходу 3 декабря И. Васильев, В. Ирванев и И. Песцов уже находились на территории КУОС, где в течение нескольких дней были организованы учебные сборы, проведён вводный инструктаж, отработаны документы согласно «легенде».

Тогда же прошло комплектование групп и были решены вопросы экипировки личного состава. Далее последовали перелёт в Кабул и размещение «зенитовцев» на одной из вилл ПГУ КГБ. При этом И. Васильев указал, что в Кабуле их встретили коллеги по спецрезерву внешней разведки Комитета госбезопасности, которые до этого уже находились в Афганистане от месяца до двух и даже более того¹. Относительно декабрьского (середина месяца.) покушения на Хафизулла Амина И. Васильев не сообщает ничего,

1 Подробнее см.: «Русские коммандос». – 1999, №1. С. 36-39.

по этой же причине в его рассказе нет информации о каком-либо участии в этих возможных событиях спецназа КГБ.

Очевидно, именно к баграмскому периоду пребывания в Афганистане относятся следующие строки самодельного «зенитовского» поэта:

...Оглянись, незнакомый прохожий,
Мне твой взгляд по Баграму знаком.
Мы с тобой с неумытою рожей
У буржуйки сидели вдвоём...

У нас есть определенные основания сделать предположение, что эти слова из бардовской песни того времени принадлежат «оперу из Владивостока» («Саше из Владивостока по прозвищу Малашонок») А.Л. Малашёнку.

Относительно прибытия в Афганистан офицеров Группы специального назначения «А», которым было поручено обеспечить безопасность лидеров афганских оппозиционеров из НДПА во главе с Бабраком Кармалем, мы имеем на сегодняшний день более чёткие данные. Здесь неясностей или дискуссионных моментов значительно меньше. Как мы ранее сообщали, в начале декабря состоялось знакомство восьми сотрудников госбезопасности, которыми руководил В.И. Шергин, с группой афганских оппозиционных лидеров во главе с Бабраком Кармалем. Далее последовал вылет в Ташкент, где афганцы и комитетчики находились около двух суток на личной даче первого секретаря компартии Узбекистана Рашидова.

После этого был вылет в Баграм. Здесь оппозиционеры и их охранники находились непродолжительное время, и (ориентировочно) 14–16 декабря последовал неожиданный вылет на самолёте без опознавательных знаков в Ташкент. Далее афганцы и их телохранители вновь оказались на уже знакомой им даче Рашидова. В последующем часть комитетчиков была отозвана в Москву, а четверо из них остались исполнять прежние обязанности. Возглавил сократившуюся группу охраны Юрий Изотов.

23 декабря Ю. Изотов, а также его товарищи-спецназовцы и афганские подопечные вновь возвратились в ДРА. Тогда совершать посадку на авиабазе Баграм пришлось при

отсутствии сигнальных огней на взлётно-посадочной полосе. Если бы не мастерство советских пилотов, то ещё неизвестно, чем мог закончиться этот вояж в Афганистан. Относительно причин происшедшего высказывались две версии.

Первая из них состоит в том, что афганский начальник авиабазы умышленно отдал приказ о выключении сигнальных огней, поэтому он был тут же задержан группой офицеров «Зенита». Согласно второй версии, которая представляется более достоверной, на взлётно-посадочной полосе произошло несанкционированное повреждение, вследствие чего сигнальные огни временно вышли из строя. Начальник афганского аэропорта, задержанный «зенитовцами» по горячим следам, после выяснения причин возникновения аварии был с извинениями советской стороны освобождён, моральный и физический... ущерб шурави ему компенсировали бутылкой русской водки.

Бабрак Кармаль, провозглашённый небольшой группой оппозиционеров в составе Гулябзоя, Сарвари, Нура, Ватанджара, Анахиты и других партийцев генеральным секретарём ЦК НДПА, находился на авиабазе Баграм вплоть до 27 декабря. После заседания «обновлённого» ЦК НДПА и «подпольного» Революционного совета ДРА, руководителем которого также был объявлен Б. Кармаль, некоторые его сподвижники убыли на различные объекты готовящегося государственного переворота в Кабуле.

6. Первоначальные планы. Прибытие в Кабул. Немного о терминах

Относительно неудавшегося 16 декабря покушения на Х. Амина, о чём писали В.И. Аблазов и Г.П. Корж, каких-либо заслуживающих доверия сведений не имеется. Впрочем, генерал-майор А.А. Ляховский утверждал: «В первой половине декабря (*курсив. – В.К.*) на Генсека НДПА было совершено покушение «недовольными партийцами из оппозиционных фракций». Он был легко ранен, пострадал его племянник Абдулла – шеф службы безопасности»¹. Но эти

1 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 136.

слова Александра Антоновича относятся к первой половине декабря, а не к 16 числу. Поэтому связывать данные события (реальность одного из которых ставится под сомнение) между собой проблематично, если только не предположить ошибку В.И. Аблазова (и Г.П. Коржа).

Из воспоминаний ряда участников событий следует, что в соответствии с первоначальными планами советского командования «мусульманский» батальон вместе с усиленными его офицерами госбезопасности должен был выдвигаться из Баграма в Кабул и сходу захватить резиденцию афганского диктатора (дворец Арк) и другие важные объекты. Данные действия спецназа ГРУ Генштаба и КГБ СССР приурочивались к возможному покушению на Хафизулла Амина, которое предполагалось осуществить «силами внутренней афганской оппозиции».

При таких обстоятельствах «мусульманский» батальон способствовал бы стабилизации обстановки в афганской столице, обеспечивал приход к власти в стране «здоровых патриотических сил» из НДПА и гарантировал безопасность советских граждан в Кабуле. Всю «грязную работу» при этом должны были выполнить сами афганцы, а формирования спецназа ГРУ и КГБ становились как бы подстраховывающей и дополнительной силой, которая обеспечивала исполнение сценария, намеченного в Москве.

В этой связи представляется очевидным, что соответствующие структуры ГРУ Генштаба и КГБ СССР, если не руководили, то, по крайней мере, курировали (по агентурной линии) подготовительные мероприятия афганских оппозиционеров в тот период. Во всяком случае именно к 12 декабря 1979 года 154-го ооСпН, а также часть отрядов «Гром» и «Зенит» были переброшены на территорию ДРА и сосредоточены в Баграме (частично в Кабуле). Однако в последующем все подготовительные мероприятия были свёрнуты. И 14-го или 16 декабря по сигналу тревоги группу оппозиционеров и бойцов группы «А», составлявших их личную охрану, с соблюдением режима строжайшей секретности поместили в транспортный самолёт без опознавательных знаков. Далее был вылет за пределы Афганистана.

Причиной отмены планов данного «внутреннего» переворота в ДРА, очевидно, была невозможность обеспечить его успех незначительными силами советского спецназа и подразделений ВДВ, находившихся в то время в Афганистане. Вполне вероятно, что были опасения по поводу возможной утечки информации о присутствии в Баграме среди советских военнослужащих представителей «будущего афганского народно-демократического правительства». Никто не хотел идти на лишний риск и раскрывать причастность СССР к грядущим событиям. Нужен был стопроцентный результат. А решение о вводе советских войск в ДРА «на основании просьбы афганского правительства о помощи» и «в соответствии с советско-афганским договором» уже было принято Политбюро ЦК КПСС. Войска Среднеазиатского и Туркестанского военных округов начинали свою крупномасштабную мобилизацию, 40-я общевойсковая армия приступила к развёртыванию.

Вопрос о нереализованных планах этой попытки государственного переворота в Афганистане участниками событий 27 декабря 1979 года, а также теми, кто в последующем писал об этом, излагается по-разному. В этой связи М.Е. Болтунов писал, что на 12–14 декабря в Кабуле по решению руководства КПСС и СССР планировалась военная операция, но в последующем она была отменена¹.

Во время одной из встреч автора этих строк с участником штурма Таж-Бек бывшим «зенитовцем» подполковником запаса В.А. Поддубным была внесена некоторая ясность в этот вопрос. Тогда Владимир Алексеевич рассказывал, что личный состав «мусбата» и офицеры «Зенита» даже начали движение из Баграма в сторону Кабула. Однако повалил сильнейший снегопад, делавший проблематичным достижение стоявших целей. Тогда-то и последовала команда «Отбой!». Очевидно, именно об этом говорят слова ещё одной самодеятельной «зенитовской» песни:

¹ Болтунов М. Е. Указ. соч. – С. 41.

Над Баграмом солнце ярко засветило,
В печке догорает саксаул.
«Строиться с оружием!» – команда поступила,
В мрачной тьме скрывается Кабул.

Каждому поставлена конкретная задача:
Надо взять объект любой ценой.
Действовать мы будем все по плану, а иначе -
Каждый отвечает головой.

Алкоголь пред боем нам не рассчитали,
На пятнадцать дали лишь пятьсот.
Алкоголь не нужен – без него мы знаем,
Что врага снесём с любых высот.

Сели в бэтэры, вставили запалы,
В это время Борька улетел.
Совещались долго наши генералы,
И «Зенит» остался не у дел.

Только командиры нас в беде не бросят -
Знаем мы, что завтрашний уют
Боеподготовкой, физзарядкой скрасят,
На подъем команду подадут.

Правда, оказалось, дело не в уюте,
Оказалось, просто надо ждать.
Вот накопим силы, нарастет валюта -
И начнем захваты выполнять...

Как писал об этом генерал-майор Ю.И. Дроздов:
«Сотрудники «Зенита» В. Цветков и Ф. Ерохов пристреляли
снайперские винтовки на 450 метров – именно с такого рас-
стояния они намеревались стрелять в афганского лидера.
Выбрав позиции на маршруте обычного следования Амина
в Кабул, они установили дежурство, но помешала усиленная
охрана вдоль всей трассы»¹.

¹ Дроздов Ю.И. Как штурмовали дворец Амина. – В книге: «Батя. Легенда спецназа ГРУ». С. 107.

В свою очередь бывший командир роты 154-го ооспН В.С. Шарипов вспоминал, что Х. Амина предварительно пытались выманить в расположение «мусульманского» батальона, где под видом демонстрации новых советских образцов вооружения (ПТУРС «Малютка»), с ним якобы мог произойти «несчастный случай». Однако афганский диктатор, сославшись на занятость, уклонился от данной встречи. Таким образом, если сложить воедино все эти утверждения, получается, что на самом деле было только приготовление к покушению на убийство Хафизуллы Амина. Однако самого факта каких-либо конкретных действий («несчастный случай», «неосторожное обращение с оружием», стрельба снайперов) тогда не произошло.

Как бы там ни было, в последующем поступил приказ на выдвижение «мусульманского» батальона в Кабул для «защиты резиденции президента ДРА Х. Амина». С вопросом о времени (дате) начала марша 154-го ооспН на Кабул и его прибытия в район Тадж-Бека неясностей тоже хватает. Так, например, в своих мемуарах «Мы были первыми» офицер госбезопасности из бывшего спецотряда «Зенит» Валерий Курилов вспоминал, что ночному маршу «мусбата» на Кабул непосредственно предшествовало убийство в СССР самолёта, на борту которого находились афганские оппозиционные лидеры¹.

В свою очередь время этого вылета в Советский Союз Б. Кармаля, его ближайших сподвижников и восьми офицеров из состава группы «А» в связи с указанными ранее обстоятельствами совершенно определённо указал военный журналист М.Е. Болтунов – вечер 14 декабря². И если сложить воедино эти два сообщения, получается, что «мусульманский» батальон осуществил марш на Кабул в ночь с 14-го на 15 декабря 1979 года или вскоре после этого.

В своих воспоминаниях «Шторм» в Кабуле» В.В. Колесник сообщает, что 13 декабря командованию 154-го ооспН

1 Курилов В.Н. Указ. соч. – С. 236.

2 Болтунов М.Е. Указ. соч. – С. 40-41, 87.

поставили задачу на выдвижение в Кабул для «усиления охраны» главы ДРА¹. В последующих воспоминаниях Василий Васильевич перед датой «тринадцатое декабря» добавляет слово – «приблизительно»². С учётом последней поправки В.В. Колесника можно говорить о том, что высказанное ранее предположение о выдвижении 154-го отряда спецназа ГРУ ГШ в Кабул в ночь с 14 на 15 декабря 1979 года или вскоре после этого, по крайней мере, им не опровергается.

В свою очередь А.А. Ляховский в книге «Трагедия и доблесть Афгана» писал: «С утра 17 декабря располагавшийся в Баграме «мусульманский» батальон тоже начал выдвижение в афганскую столицу. К исходу этого же дня он сосредоточился в районе Дар-уль-Аман»³. Но, как ни странно, с этим авторитетным мнением несколько не состыковываются воспоминания ряда непосредственных участников данных событий, утверждающих, что марш смешанной гусенично-колёсной колонны «мусульманского» батальона был совершён в ночных условиях, а не днём, как пишет об этом А.А. Ляховский. Тем не менее дата, то есть 17 декабря, указанная этим автором, «укладывается» в предположенные нами временные рамки прибытия 154-го ооСпН в Кабул.

Бывший руководитель группы отряда «Зенит», штурмовавшей в последующем дворец Тадж-Бек, Я.Ф. Семёнов в своих воспоминаниях также говорил о выдвижении из Баграма в Кабул «мусульманского» батальона ГРУ ГШ, на бронеемких объектах которого находились и спецназовцы КГБ, 17 декабря⁴. В этой связи несколько иную точку зрения высказывает полковник В.И. Аблазов, который дату прибытия «мусульманского» батальона в Кабул сдвигает по времени ближе к развязке событий. Он утверждает: «20.12.1979. Генерал-лейтенант Гуськов по указанию Генштаба поставил Халбаеву (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) задачу совершить ночной марш

1 Колесник В. В. «Штурм» в Кабуле. – В указ. альбоме. – С. 42.

2 Колесник В. В. Как был взят дворец Амина. – В указ. книге. – С. 102.

3 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 131.

4 См.: Альбом «Вымпел». – С. 40; «Русские коммандос». – 1999, №1. С. 42.

на Кабул за 2 часа (80 км). Однако майор Халбаев привёл колонну в Кабул только через четыре часа: пыль, темнота, чередование в колонне колёсных и гусеничных машин. Предварительно Халбаев трижды бывал в Кабуле: представился Главному военному советнику, осмотрел дворец «Дом народов» и другой, на окраине города, Таджибек (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) («Дворец Амина»). В «Доме народов» он был представлен Амину как командир батальона, который должен его охранять. Амин сказал, что охрана у него своя надёжная. А новый батальон необходимо разместить где-нибудь на окраине Кабула. Батальон расположился в пятистах метрах от дворца Таджибек»¹. Эти слова В.И. Аблазова вновь слово в слово повторяет господин Г.П. Корж в книге «Афганское досье: Война СССР в Афганистане»².

В этой связи несколько странную, если не сомнительную, точку зрения высказывает бывший «зенитовец» В. Федоренко. А сообщает он о выдвигении в Кабул «зенитовцев» с колонной «мусульманского» батальона на боевых машинах десанта (*курсив. – В.К.*). Но такая техника была на вооружении не в 154-м ооспН, а в парашютно-десантных батальонах 345-го гв. опдп, также временно дислоцированном на авиабазе Баграм. При этом временем данного выдвигения В. Федоренко называет 25 декабря, то есть за два дня до штурма дворца Таж-Бек. Кроме этого он говорит о двухнедельном пребывании группы «зенитовцев» в Баграме, в ходе которых их неоднократно поднимали по тревоге. Сообщает он и о конспиративных встречах Х. Амина в посольстве США, планировании американцами аналогичного переворота в Афганистане и т.п.³. Во что, честно говоря, верится с трудом.

Как бы там ни было, этот марш, во время которого по технической неисправности отстали несколько машин, чуть не стоил командиру 154-го ооспН Хабибу Таджибаевичу Холбаеву должности. От начальственного гнева главного военного советника генерал-полковника С.К. Магометова комбата спас

1 Аблазов В.И. Указ. соч. – С. 166.

2 Корж Г. П. Указ. соч. – С. 450-451.

3 «Русские коммандос». – 1999, № 1. С. 42.

в ту бытность полковник ГРУ ГШ В.В. Колесник. Впрочем, и само направление в ДРА Василия Васильевича, отвечавшего за подготовку «мусульманского» батальона, некоторые авторы (например, А.А. Ляховский) связывают с имевшими место тогда происшествиями во время выдвижения «мусбата» в Кабул.

По прибытии в район Тадж-Бека «мусульманский» батальон и прибывшие с ним комитетчики расположились в недостроенной казарме одного из батальонов афганской бригады охраны (гвардии). Тогда 154-й ооСпН формально был включён в состав этого соединения и стал подчиняться его командованию. Сразу началась подготовка к ведению активных боевых действий: проверялось вооружение, подгонялось снаряжение, а бойцы «Грома» и «Зенита» вслед за спецназовцами из «мусульманского» батальона переодевались в форму афганской армии.

В книге М.Е. Болтунова приводится такой эпизод, произошедший сразу после прибытия спецподразделений КГБ в расположение 154-го ооСпН спецназа ГРУ: «В казарме как раз командир роты «мусульманского батальона» развод заканчивал. Дав все наставления караулу, советский офицер напутствовал подчинённых: «Аллах с нами!» Караул вышел, а сотрудники группы удивлённо переглядывались. Н-да, верно говорил Фёдор Сухов: «Восток – дело тонкое»¹. Понятно, что подумали многоопытные комитетчики. Но даже они не знали того, как от всего личного состава «мусбата» их «формальными» начальниками и реальными командирами требовалось соблюдение всех мусульманских правил и обычаев. Ведь тот же командир бригады афганской гвардии майор Джандад предъявлял претензии Х.Т. Холбаеву по поводу того, что его бойцы «оправляют в туалете малую нужду» не «по-восточному» (на корточках), а «по-европейски» (стоя). Уж извините за такие подробности.

Между прочим, в последующем среди личного состава Ограниченного контингента советских войск в Афганистане вполне обычным стало шутовское обращение при встречах «Аллах акбар!» И соответствующий этому ответ: «Воистину акбар!»

¹ Болтунов М. «Альфа» – сверхсекретный отряд КГБ. М., 1992. С. 55.

О своём прибытии в ДРА генерал-майор В.В. Колесник вспоминал, что 16 декабря ему было приказано убыть из Москвы в Афганистан. В эту командировку он отправился вместе с офицером направления специальной разведки ГРУ Генштаба подполковником Олегом Ульяновичем Швецом, который в дальнейшем станет его заместителем по руководству проведением «Шторма».

17 декабря самолёт с полковником В.В. Колесником и подполковником О.У. Швецом вылетел в направлении афганской границы. По дороге в ДРА они познакомились с генерал-майором Ю.И. Дроздовым и капитаном второго ранга Э.Г. Козловым, которые по линии КГБ СССР также были нацелены на выполнение специального задания в Афганистане. Впрочем, с первого взгляда это были вполне обычные гражданские специалисты, ехавшие в ДРА по делам своих ведомств: военная форма была оставлена ими в Москве. Правда, сами разведчики безошибочно определили, кто из пассажиров военно-транспортного самолёта является коллегой по ратному ремеслу, а кто – экспедитором военторга.

Однако отметим, что О.У. Швец в этой связи называет несколько другие даты: вылет из Москвы – 18-го; прилёт в Баграм – 18-го (поздно ночью); выезд в Кабул – утром 19-го (представление генерал-полковнику С.К. Магометову и резиденту ГРУ в Кабуле В.Г. Печененко); выезд в расположение 154-го ооСпН – утром 20 декабря¹. . В связи с чем думается, что здесь особых разночтений нет. Есть уточнение.

21 декабря полковника В.В. Колесника и майора Х.Т. Холбаева вызвали к главному военному советнику СССР в Афганистане, от которого был получен приказ – усилить охрану дворца подразделениями «мусульманского» батальона. Им предписывалось занять оборону в промежутке между постами охраны и линией расположения афганских батальонов.

Несколько слов здесь следует сказать и об используемом понятийном аппарате. Очевидно, у внимательного читателя была возможность заметить, что в различных

¹ Швец О.У. Друг не умирает. В книге «Батя. Легенда спецназа ГРУ. – М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 191.

публикациях, посвящённых «Штурму», применяется не всегда однообразная терминология. Причин для этого несколько. Одна из них, наиболее существенная, состоит в том, что до определённого времени, а порой и ныне военно-профессиональный (специальный) понятийный аппарат, использующийся в спецподразделениях КГБ, спецназе ГРУ и других армейских формированиях не всегда аутентичный. И это, даже ничего не говоря о профессиональном сленге и обиходе.

Так, например, строго следуя принятым в то время канонам, бойцов отряда КГБ СССР «Зенит» более правильно следовало бы называть не спецназовцами, а «осназовцами». Ведь по штатам военного времени они состояли в списках отдельной бригады *особого назначения* (курсив. – *В.К.*) КГБ СССР, или, говоря иначе, ОБОН, находившийся в подчинении внешней разведки комитета госбезопасности. И понятие «ОСНАЗ» (применительно к КГБ) означало в тот период диверсионно-разведывательное предназначение. А термин «разведчик специального назначения» («спецназовец»), по свидетельству бывшего начальника Управления «С» (агентурная разведка) ПГУ КГБ СССР генерал-майора Ю.И. Дроздова, был избран здесь только во время создания группы специального назначения КГБ СССР «Вымпел» (1981 г.)¹.

В свою очередь, понятие «особое назначение», применявшееся для обозначения некоторых армейских частей в системе ГРУ Генштаба ВС СССР, имело совершенно другое содержание: выполнение задач по радиоперехвату (переводу) сообщений противника, передаче информации по засекреченным каналам связи и другое. Также оно относилось и к указанию (обозначению) наименований соответствующих войсковых частей (их личного состава), подчиняющихся ГРУ ГШ, а именно: части «особого назначения» («осназовцы»). С этой точки зрения, в период проведения «Штурма» в Кабуле единственным формированием «СПЕЦНАЗА» в КГБ СССР была группа специального назначения «А», то есть «группа антитеррора» или группа «Альфа» (после событий августа 1991 года.).

¹ Подробнее: «Вымпел». Группа специального назначения КГБ СССР. Факты, воспоминания, свидетельства, судьбы... – М.: «АВ-ПРЕСС», 1997. С. 9.

Прибывший в ДРА внеструктурный (внештатный) «Гром», составленный в основном из офицеров группы «А», в одних источниках именуют отрядом, в других – группой. Здесь же напомним, что «громовцы» были ориентированы на выполнение двух задач: во-первых, на участие в штурме дворца Тадж-Бек (более двадцати человек). И, во-вторых, на обеспечение личной безопасности лидеров афганской оппозиции (около десяти человек). При этом до сих пор нет чёткого понимания, для обозначения, кто конкретно состоял в отряде «Гром» – все офицеры группы «А», прибывшие в тот период в ДРА, или только бойцы штурмовой группы, которую некоторые авторы именуют ещё «подгруппой «Грома».

Для того чтобы как-то выйти из этого положения, избежать вполне объяснимой путаницы в терминологии, а также в целях удобства изложения последующего материала, по аналогии обозначения временных диверсионно-разведывательных органов в спецназе ГРУ в дальнейшем под отрядом «Гром» будем понимать совокупность всех сотрудников штатной группы спецназа КГБ «А», выполнявших боевые задачи в ДРА в декабре 1979 года. Соответственно группами отряда «Гром» будем называть два обозначенных ранее его подразделения («штурмовики» и «телохранители»), хотя, конечно, это деление весьма условно. Условно, потому что ряд офицеров «Грома», задействованных в обеспечении личной безопасности афганских оппозиционеров, в последующем принимали активное участие в захвате ряда кабульских стратегических объектов.

Очевидно, также необходимо поступить и в случае с «Зенитом», который к 27 декабря 1979 года насчитывал в своих рядах более ста – ста пятидесяти офицеров, нацеленных на выполнение различных боевых (специальных) задач. Исходя из этого, сам «Зенит» будем считать отрядом специального назначения (спецназа, спецотрядом), его бойцов – спецназовцами. А под его группами станем понимать подразделения, выделенные для осуществления спецмероприятий (штурм, захват, уничтожение) на тех или иных конкретных объектах воздействия в ходе проведения государственного переворота в ДРА.

Несколько ранее говорилось о причинах и истории появления обиходного названия 154-го ооСпН 15-й отдельной бригады спецназа Туркестанского военного округа, который более известен как «мусульманский» батальон или «мусбат». Почему «мусульманский»? Это понятно. Но почему «батальон»? Дело в том, что формируемые в спецназе военной разведки отряды специального назначения («отдельные отряды специального назначения») в основном соответствуют общевойсковым структурам, равным батальону (отдельному батальону). Это в частности относится к их численности и организационной структуре. Но это только одна причина.

Второе, не менее важное здесь обстоятельство, состоит в том, что в спецназе ГРУ ГШ в обиходе было принято наименование «отряд» заменять названием «батальон» в целях сохранения секретности. После введения на территорию Демократической Республики Афганистан отдельных отрядов спецназа, имевших оперативное подчинение ГРУ Генштаба ВС СССР, в вышеуказанных целях их было принято именовать «отдельными мотострелковыми батальонами».

Это было «узаконено» и во внутриотрядной несекретной, и секретной документации. Обозначение реального номера и собственного наименования того или иного отдельного отряда (отдельной роты) специального назначения было допустимо лишь в совершенно секретной документации. Так, при повторном вводе 154-го ооСпН в ДРА в октябре 1981 года он стал называться «первым мотострелковым батальоном» или «первым батальоном спецназа».

Таким образом, подведём некоторые итоги данного раздела, которые состоят в следующем.

Во-первых, к началу лета 1979 года в ДРА находились советские узел связи и транспортная эскадрилья самолётов и вертолётов. В начале июля этого года для обеспечения охраны и обороны смешанной советской авиаэскадрильи на аэродроме Баграм (по согласованию с афганской стороной) «под видом авиационного технического состава» прибыл

парашютно-десантный батальон 345-го гв. опдп. В середине сентября он приводился в полную боевую готовность для обеспечения защиты президента (обиход. – *Примеч. В.К.*) Демократической Республики Афганистан Н.М. Тараки. В ноябре–декабре 1979 года на базе этого батальона в Баграме были сосредоточены 154-й ооСпН, основные силы спецотряда КГБ «Зенит», а также часть «Грома». Здесь также находились афганские оппозиционеры во главе с Б. Кармалем.

Во-вторых, в начале июля 1979 года «под видом обслуживающего персонала посольства» в Афганистан прибыл спецотряд КГБ СССР «Зенит» («Зенит-1»), имевший главной целью обеспечение охраны и безопасности посольства СССР в ДРА. Его численность в руководящих документах ЦК КПСС определялась в 125–150 человек. Во время аминского переворота в ДРА, в сентябре 1979 года, «Зенит» приводился в готовность № 1. Начиная с сентября, стал формироваться второй состав «Зенита», происходила ротация сотрудников спецотряда и его усиление вплоть до начала официального ввода советских войск в ДРА.

В-третьих, первоначальная отправка в ДРА (авиабаза Баграм) 154-го ооСпН ГРУ Генштаба ВС СССР с целью «использования в случае резкого обострения обстановки для охраны и обороны особо важных правительственных объектов» планировалась на начало августа 1979 года. 10 сентября «мусульманский» батальон приводился в полную боевую готовность для обеспечения безопасности Н.М. Тараки. Однако от применения отряда советское руководство тогда воздержалось. В ноябре–декабре 154-й ооСпН был сосредоточен в ДРА на авиабазе Баграм.

В-пятых, к середине декабря в Баграм был передислоцирован второй парашютно-десантный батальон и разведрота 345-го гв. опдп, а также, частично, штаб и управление этого полка во главе с командиром гвардии подполковником Н.И. Сердюковым.

В-четвёртых, до 20 декабря 1979 года «мусульманский» батальон спецназа ГРУ был введён в Кабул. После чего

приступил к обеспечению «охраны и обороны» резиденции главы ДРА Х. Амина, переведённой к тому времени во дворец Тадж-Бек. Формально 154-й ооСПН был включён в состав афганской бригады охраны (гвардии) и поступил под командование её руководства.

В-шестых, для избежания путаницы в терминологии и удобства изложения в дальнейшем повествовании спецформирования КГБ «Гром» и «Зенит» будут называться отрядами спецназа, а их подразделения, действовавшие на тех или иных объектах захвата или выполнявшие иные самостоятельные боевые задачи, – группами, которые в свою очередь делились на подгруппы. Или, говоря иными словами, в отношении обозначения названий внеструктурных (внештатных) спецформирований КГБ СССР «Гром» и «Зенит» будем придерживаться в основном тех терминов и понятий, которые были приняты в спецназе ГРУ Генштаба ВС СССР для обозначения временных диверсионно-разведывательных органов.